

СТАРЫЙ УГОЛОВНЫЙ РОМАН

А. И.

КРАСНИЦКИЙ

РОКОВАЯ
ТАЙНА

А. И. Красницкий

Дочь Рагуила

Роковая, преступная тайна лежит в основе трех увлекательных романов популярного русского писателя А. И. Красницкого (1866-1917).

У молодой купеческой дочери таинственным образом один за другим умирают перед свадьбой шесть ее женихов. Седьмой бросает вызов судьбе, решив разгадать эту тайну („Дочь Рагуила“).

Приподнять таинственную завесу, раскрыть все эти преступления помогает несравненный Мефодий Кобылкин, всеведущий и вездесущий, „ищейка по призыванию“, как и англичанин Шерлок Холмс, француз Мегрэ, бельгиец Пуаро и другие знаменитые сыщики.

Содержание

#1	0005
Аннотация	0006
А. И. Красницкий (А. И. Лавров) Дочь Рагуила	0007
I	0008
II	0025
III	0046
IV	0073
V	0087
VI	0106
VII	0135
VIII	0155
IX	0165
X	0176
XI	0190
Об авторе	0210

**А. И. Красницкий(А. И.
Лавров)**

Дочь Рагуила

O CR атр; Spellcheck: Liuda

А. И. Красницкий (А. И. Лавров, псевд.)

„Роковая тайна“ Романы

Москва „Современник“ 1996 год

Серия „Старый уголовный роман“

ISBN 5-270-01918-3

Текст печатается по изданию:

Лавров А. И. (Красницкий А. И.)

„Дочь Рагуила“. Роман из столичной жизни

Спб.: Издательство А. А. Каспари

Аннотация

Роковая, преступная тайна лежит в основе трех увлекательных романов популярного русского писателя А. И. Красницкого (1866-1917).

У молодой купеческой дочери таинственным образом один за другим умирают перед свадьбой шесть ее женихов. Седьмой бросает вызов судьбе, решив разгадать эту тайну („Дочь Рагуила“).

Приподнять таинственную завесу, раскрыть все эти преступления помогает несравненный Мефодий Кобылкин, всеведущий и вездесущий, „ищейка по призванию“, как и англичанин Шерлок Холмс, француз Мегрэ, бельгиец Пуаро и другие знаменитые сыщики.

**А. И. Красницкий (А. И.
Лавров)**

Дочь Рагуила [1]

Долгожданная свадьба

Окна парадного зала кухмистерской, излюбленной богатым петербургским купечеством, были ярко освещены. С улицы через них были ясно видны фигуры разряженных гостей. К подъезду то и дело подкатывали и собственные экипажи, и лихачи извозчики. Грузный швейцар, стоявший у подъезда, потный от суеты, едва успевал распахивать двери новым гостям.

Было уже близко к вечеру. Начинало темнеть, сероватая мгла окутывала столпившихся у подъезда кухмистерской людей.

В кухмистерской должны были происходить свадебный обед, а затем вечер, которыми начинали свою брачную жизнь только что обвенчавшиеся Вера Петровна и Евгений Степанович Гардины. Именно их прибытия ожидала с большим нетерпением толпа любопытных.

Из церкви после венчания молодые отправились к родителям Веры Петровны, чтобы

принять благословение, и с минуты на минуту должны были приехать к собравшимся на их торжество гостям.

Свадьбы всегда возбуждают любопытство. Даже совершенно незнакомые молодым люди обыкновенно останавливаются и с нетерпением ожидают, когда, наконец, появится обвенчавшаяся парочка. Да это и понятно. Редко кто из молодых не бывает счастлив во время свадьбы. Это счастье отражается на их лицах и невольно передается всем, кто видит молодую пару, делая их и себя радостными и просветленными.

Однако в этот раз было что-то другое, мало походившее на обычное настроение. В толпе любопытных у подъезда чувствовалось мрачное напряжение. Говорили тихо, никто не смеялся, оживленных лиц не было.

– Долгонько не едут! – сказала какая-то топтавшаяся уже больше часа у подъезда чиновница своей соседке.

– Давно пора бы! – ответила та. – Порядочно у родителей задержались.

– Уж не случилось ли опять чего?

– А что? Ведь все может быть!

– Нет. Ежели что вышло бы, слух пошел бы.

– Венчанье-то благополучно прошло. Была я в церкви-то. Свадьба, можно сказать, во всех отношениях замечательная.

– Чего замечательнее! Столько раз девушка к венцу собиралась, а все выйти замуж не могла. Это который жених-то? Я уж и со счета сбилась.

– Шестой, говорят.

– Ну вот. Пять раз у Веры Петровны свадьба расходилась.

– Зато теперь уже крепко окрутились. Теперь никак не раскрутишься, честной венец принявши... Это кто такой?

К кухмистерской лихо подскакал дорогой рысак, запряженный в дрожки. С них соскочил и быстро прошел в подъезд пожилой брюнет с красивым, но неприятным лицом. Новый гость был высок и плотен, бобровая шинель ловко сидела на его широких плечах. Он сбросил ее на руки кинувшегося ему навстречу швейцару и остался в прекрасно сидевшем фраке.

Толпа всегда хорошо осведомлена обо

всем, что касается предмета ее любопытства. Едва только чиновница у подъезда поинтересовалась, кто этот брюнет, как сейчас же узнала, что это – Иван Афанасьевич Юрьевский, богатый коммерсант из новых, что он приходится близким родственником семейству новобрачной, но никем из своей среды не любим именно за те новшества, которые он ввел в свое торговое дело.

– Барин он, а не купец! – толковали в толпе. – За границей бывал, всякого там духа чужого нахватался и у себя заграничные порядки завел, вот его и не любят. Не по стаду баран выходит.

– Женатый или холостой? – слышался вопрос.

– Холостой! Сколько невест было, от всех нос воротит. Станный он какой-то, угрюмый. Ни чтобы он побесился, как наши купцы бегутся, ни чтобы он побывал где. Только у родителей Веры, вот теперешней молодухи-то, и бывал.

– Вот оно что! А не присватывался?

– Нет, нельзя – родство не допускает.

– Близкие, кровные, стало быть?

– Выходит, что так. Веру-то Петровну он в пеленках знал. А то пара ничего была бы. К капиталу капитал. Чего другого, а этого добра не занимать.

Влияние капитала сказалось, как только Юрьевский вошел в зал кухмистерской, где уже собрались почти все приглашенные на свадьбу. На улице утверждали, что его никто не любит, здесь же встречали заискивающими улыбками, поклонами, рукопожатиями. Юрьевский на все это отвечал совершенно равнодушно, словно стараясь отделаться от всех знаков внимания. Поздоровавшись с одним за руку, с другими только кивком головы, он сейчас же отошел к окну и уставился в него бессмысленно-диким взором.

Появление этого человека словно парализовало собравшихся. Сами собою стихли шум, говор и смех. А между тем Юрьевский не делал и не говорил ничего такого, что могло бы вызвать подобную обстановку. Он, не глядя ни на кого в зале, стоял у окна и смотрел на освещенную электрическими фонарями улицу.

Несколько минут прошло, прежде чем рас-

сеялось непонятно-тревожное настроение. Гости разбились на группы, и среди них пошел разговор на самую интересную для всех тему: о только что обвенчавшихся молодых.

– Храбрый Евгений-то! – сказал пожилой осанистый купец. – Право, храбрый. Другой на его месте за семь верст такую невесту обегал бы.

– И впрямь есть чего испугаться. Подумать только – пять раз свадьба расходилась!

– Да ведь как расходилась-то? Середин – третий жених – без вести пропал, Марков – пятый – под поезд свалился, Антонов – четвертый – под канун свадьбы зарезался, а первые двое в Сибири.

– Н-да! Судьба.

– Именно судьба. Что же иное? Каково Вере-то бедной, а? Пять женихов и ни одного мужа!

– Зато теперь крепко. Исайя возликовал, и конец всему делу. Окрутилась Вера.

– Что же из этого? То девушкой оставалась, а теперь вдовой останется. Сказано: судьба.

Разговор прервался. Высказанное предположение о том, что и на этот раз нельзя

утверждать, что все кончится благополучно, привело разговаривавших в смущение.

– Вдовой может остаться! – пронеслось шепотом по залу.

И все невольно почувствовали беспокойство.

– Не едут! Так долго! Уж не случилось ли чего-либо? – говорили гости. – Неужели опять что-нибудь?

Иван Афанасьевич стоял по-прежнему у окна, не спуская глаз с улицы. До его слуха доносились все эти толки и опасения, но он оставался бесстрастно-холоден. Только раз, когда перечисляли прежних женихов новообрачной, на губах Юрьевского зазмеилась злая улыбка, исказившая его красивое лицо.

Вдруг он вздрогнул. С улицы, несмотря на зимние рамы, донесся стук каретных колес и рокот толпы, в то же мгновение по залу пронесся громкий говор:

– Приехали! Молодые приехали! Слава Богу!

Вера Петровна вошла под руку со своим сияющим от счастья молодым супругом. За ними шли отец и мать молодой: Петр Матвее-

вич и Анна Михайловна Пастины – и другие близкие родственники новобрачной; у Евгения Степановича таких не имелось – он был сирота. Оркестр при появлении счастливой молодой четы заиграл туш. Еще несколько мгновений, и к новобрачным потянулись десятки рук с бокалами шампанского. Отовсюду раздавались пожелания, самые светлые, самые хорошие, молодые смущенно улыбались, благодарили, и оба покраснелись, когда раздалось традиционное: „Горько, горько!“, – и им пришлось поцеловаться.

Вера Петровна была молода – ей только что пошел девятнадцатый год. У нее было круглое лицо с приятными чертами, голубыми, как васильки, глазами и алыми губками. Золотистые, слегка подвитые у лба волосы непокорно выбивались из-под венчального убора. Смущение, вызванное новизною положения, разукрасило щеки молодой женщины ярким румянцем, и это вместе с молодостью делало ее привлекательной.

Евгений Степанович, «молодой князь», был старше своей подруги жизни на два года, но молодость придавала ему вид даже не

юноши, а мальчика. Так же смущенно, как и Вера Петровна, он отвечал на поздравления, не зная, куда девать глаза, что говорить. Когда крикнули „Горько!“, юный супруг растерялся, позабыл, что ему нужно делать, и только тогда нагнулся с поцелуем к зардевшейся жене, когда разудалая сваха сама показала ему пример.

– Славная пара! – произнес один из гостей, любуясь молодыми. – Слово один для другого сотворены.

– В дом берут Евгения? – спросил сосед.

– В дом. Ведь он – круглый сирота.

– Так оно и лучше будет: ведь Вера одна у Петра Матвеевича и Анны Михайловны.

– Одна, да и сами они в преклонных годах.

– Так. Дай им Бог совет да любовь! Гардин тоже не бедняк.

– Какое бедняк! Отец-покойник оставил столько, что не прожить вовек, да и у Пастиных тоже немало. Молодые-то во всем ровня. Судьба-то, видно, знает, что делает: пятерых убрала, а вот шестой подошел.

– Видно, и в самом деле, чему быть, того не миновать.

– Бог с ними. Только счастливы были бы. Смотрите-ка, Юрьевский... Чего это он последним-то с поздравлением подходит? Ему первым быть.

Действительно, к молодой чете подходил Иван Афанасьевич. Он шел так легко, будто скользил по паркету. Это была обычная походка Юрьевского. Издали казалось, что он подкрадывается, как подкрадывается кошка или тигр к своим жертвам. Бокал в руке Ивана Афанасьевича слегка дрожал.

– Ну, Вера, – сказал он глухим голосом, – теперь и я.

Молодая, удивленно взглянув на него, сказала:

– Так поздно?... Последним, крестный...

– Что ты, деточка, и последние могут быть первыми.

– Ты и в церкви не подошел ко мне.

– Там других было много около тебя. Зачем же?

– Перестань, крестный, ты опять злишься.

– Нет. На что же? Ведь все в порядке вещей, все как следует. Позвольте и с вами, – протянул он бокал Гардину, – вот так, пейте

до дна.

– А вы, Иван Афанасьевич, даже и поздравить нас не хотите со вступлением в новую жизнь? – сказал тот, чокаясь с Юрьевским.

– Новая жизнь, новая! – и Юрьевский вдруг громко расхохотался. – Да что вы, юнейший! Новая! Где это вы нашли новое на свете? Да и есть ли оно, ваше новое? Все старо, юноша, все! Меняются только формы, а сущность остается старою. Ничто не вечно, но и не ново. Разве вы сегодня не такой же, как вчера? Скажите мне...

– Нет, не такой же, Иван Афанасьевич, – весело отозвался молодой, – сегодня и вчера далеки друг от друга, очень далеки.

– Вы думаете? Но, поверьте мне, завтра к сегодня чаще всего ближе, чем мы ожидаем.

– Что ты хочешь сказать этим, крестный? – встревожилась Вера Петровна.

– Только то, что „вчера“ – далекое известное, „сегодня“ – близкое известное, а около этого близкого, совсем вплотную, но не с ним, а с нами, совершенно неизвестное „завтра“. Каждая неизвестность что-нибудь да таит. Все меняется, оставаясь в своей сущности

прежним. Живой сегодня – завтра труп. Смерть около...

– Кто говорит на свадьбе о трупах, о смерти? – раздался около разговаривающих веселый молодой голос.

Юрьевский быстро обернулся. Перед ним стоял высокий молодой человек с симпатичной наружностью, выразившей энергию и силу воли. Это был один из шаферов Гардина – Николай Васильевич Твердов, богатый юноша, путешествующий по чужим краям и ненадолго вернувшийся на родину.

– Кто говорит о трупах, о смерти? – повторил он.

– Я! – холодно ответил Юрьевский.

– Гм... Вы, очевидно, мрачно настроены. Всякая свадьба – это праздник будущей жизни. Союз двух людей – это жизнь, жизнь будущая, светлая, радостная. Итак, да здравствует жизнь! Пойдем, и будем пить за нее. Руку, молодая княгиня! Руку, молодой князь! Идем пить за жизнь, она так светла, так хороша, что мрак смерти не затмит ее сияния!

Твердов с этими словами подхватил под руки молодых супругов и, не обращая ни ма-

лейшего внимания на Юрьевского, повел их к столу.

Гнев искажил лицо Ивана Афанасьевича. Казалось, он готов был броситься на дерзкого смельчака, но как раз в это время подошел отец молодой.

– И охота тебе, батюшка Иван Афанасьевич, пугать ребят! – ласково сетуя, заговорил он. – Нашел время о смерти да о разных там трупах говорить... Пойдем-ка! Верушу только напугал. Сам знаешь, какая она несчастная. Три года, а пятеро, кто только присватывался к ней, вон как кончали... Поневоле напугается.

Юрьевский взглянул на Пастина.

– Да, ты прав, Петр Матвеевич, тысячу раз прав. Зачем говорить о том, что неизбежно, что стоит около нас? Пойдем, выпьем! Хочешь, я примирюсь с этим молокососом? Хочешь, я поклонюсь ему, хочешь, я буду просить у него прощения? Ха-ха-ха!... Я буду просить прощения!

– И не нужно ничего этого, роднуша, вовсе не нужно, – засуетился Пастин, – а пойти – пойдём. Ведь ты у нас известный... Ты не в

нас, не в родню... Ишь, каким тебя заграницы-то сделали!

Но последние слова Петр Матвеевич выкрикивал уже вслед Юрьевскому. Тот своей скользящей, словно крадущейся походкой уже подходил к Гардину.

– Слово, молодой человек, одно слово, – глухо заговорил он. – Отойдем немного... возьмем бокал... Так, вот сюда... Я не хочу, чтобы вы думали обо мне дурно. Простите старика. Мне на своем веку приходилось видеть столько всяких неожиданностей, что я разочаровался в будущем и во всем неизвестном.

Говоря так, он отвлек Евгения Степановича от стола, за который уже начали усаживаться гости. Тот слушал его, смущенно улыбаясь.

– Да помилуйте, Иван Афанасьевич, – сказал он, инстинктивно потупляясь под диким взглядом Юрьевского, – за что же прощение?... Какое там...

– Нет, я начал говорить и кончу. Поставьте свой бокал на этот стол, – указал Юрьевский на маленький столик в уголке зала. К нему он

подвел Гардина и заставил поставить бокал рядом со своим. – Я сперва скажу, а потом мы выпьем с вами. Выпьем за все, что вы хотите. Пусть эти бокалы, – с этим словом Юрьевский протянул над бокалами обе руки, как бы указывая на них, – будут пусты, пусть исчезнет, как эта золотистая влага, все, что составляет горечь жизни. Этот выскочка говорил, что нужно пить за жизнь, пусть! А мы выпьем за см... просто выпьем. Жизнь хороша, очень хороша, но есть еще лучшее состояние для человека. Это – нирвана. Знаете ли вы, молодой человек, что такое нирвана? Нирвана – это восторг. Счастлив пребывающий в ней. Так выпьем же за ваше счастье...

– Евгений Степанович! Иди к столу, тебя ждут, – раздался оклик Пастина.

– Ну, скорее же, мой молодой друг! – подтолкнул Юрьевский Гардина. – Выпьем!

Он стоял, пронизывая взором молодого Гардина. Тот, дрожа, взял бокал.

– Желаю быть здоровым, Иван Афанасьевич! – проговорил он и отпил из бокала.

– Весь, весь до дна, по русскому обычаю, зла не оставлять, – дрожащим голосом гово-

рил Юрьевский.

– Не могу... У шампанского какой-то горьковатый привкус, – проговорил Гардин.

– Терпите, зато вас скоро ждет дивная сладость, сладость ни с чем не сравнимая. Вспомните о нирване...

Опять раздались оклики – молодого настойчиво звали к столу. Он поставил не допитый на четверть бокал и умоляюще взглянул на Юрьевского.

– Простите, Иван Афанасьевич, – сказал он, – меня зовут.

– Идите же, идите скорее!... Спешите, каждый миг дорог... Ха-ха-ха! – чуть не выкрикнул Юрьевский.

Его лицо, до этого смертельно бледное, покрылось каплями холодного пота, он весь дрожал. Но такое состояние продолжалось всего несколько мгновений. Гардин отошел. Юрьевский поставил свой бокал рядом с его недопитым, вынул платок и отер пот. Потом он взял со стола бокал и спокойно пошел с ним к столу. Ему, как наиболее почетному гостю, было отведено место напротив новобрачных, но Иван Афанасьевич сел так, что его за-

слонило какое-то декоративное растение, стоявшее на столе. Бокал, принесенный с собою, Юрьевский поставил в стороне на виду и все время следил, чтобы никто к нему не притронулся.

Ужасная развязка

Обед начался и пошел с большим оживлением. Гости с каждым бокалом вина становились все веселее. Всякая натянутость и сомнения исчезли. Молодая очень мило осваивалась со своими новыми обязанностями, сама накладывала на тарелку супругу кушанья, наливала в бокал шампанское. Она тоже оживилась и вся сияла радостью и счастьем. Забыты были недавние страхи. Свершилось, наконец, то, что еще недавно было полно смертельного ужаса. И он, этот юноша, дрожавший под взглядом Юрьевского, тоже чувствовал себя спокойным, радостным, и теперь мрачные пожелания Ивана Афанасьевича уже не пугали его.

„Угрюмый человек этот Юрьевский, – думал Гардин, – говорят, он немного того... свихнувшись... Что же, мы теперь – родственники. Будем с Верою беречь его. Он любит Веру... Мне все это говорят... Только что это мне так не по себе?... Холодно что-то... Верно, в церк-

ви на сквозняке продуло...“

Как всегда, в конце обеда начались тосты. Пили за молодых, за их счастье, кричали „горько“, пили за родителей новобрачной, за гостей, присутствующих и отсутствующих, потом стали пить кто за кого хотел. Тосты и пожелания пошли без всякого порядка.

Вдруг поднялся Иван Афанасьевич, и разом все примолкли. Нелюдность и угрюмость этого человека были известны каждому; никогда никто не слышал, чтобы он помногу и подолгу говорил, и потому его речь была встречена гостями с изумлением.

Иван Афанасьевич говорил глухо, отрывисто, так что казалось, будто звуки вылетают из какой-то пропасти. Его лицо при этом было безжизненно и своим выражением не дополняло того, что представляли слова. Юрьевский как будто говорил что-то давным-давно затверженное наизусть, что-то такое, чего он и сам не чувствовал, не сознавал.

– Говорят, тут вот против меня счастливицы, – отрывисто произносил Иван Афанасьевич. – Соглашаюсь, что, может быть, это и так. Я знал ее, – указал он на Веру Петровну, – с ко-

лыбели, поэтому могу говорить, имею право говорить. Я – старик, она – дитя. Ее жизнь вся прошла предо мною. Она счастлива. Гм!... В чем счастье? Не в том ли, чтобы посидеть вот в этом даже не совсем красивом уборе на голове, с этими грубо подделанными под природу якобы цветами? Не в том ли, что кругом все кланяются, поздравляют, высказывают всякие там пожелания, исполнение которых прямо невозможно? Все это – дым, мираж и рассеется, как только наступит жалкая действительность. Счастье в том, чтобы принадлежать другому? Нет, это – не счастье, это – обман, скрывающий грубую действительность. Но что же тогда? Где же счастье? Да оно в вечных грезах, создающих человеку царство, в котором он – всемогущий повелитель. Он, человек, один в этом своем царстве, населенном призраками-грезами, и горе тому, кто осмелится против воли властелина ворваться в его владения. Ему нет пощады! Лучше да погибнет разбивающий кумиры, чем падет кумир!

– Что он такое говорит? – тихо спросил у своего соседа Твердов, сидевший неподалеку

от Юрьевского. – Ведь это бред какой-то!

– Что поделаться, – так же тихо ответил тот. – Богатый родственник... Вера Петровна – единственная его наследница, все состояние он по духовной после себя ей оставляет, вот и слушают, вот вам и почтение... Как же иначе?

– Сумасшедший он, что ли? – переспросил Твердов, пожав плечами.

– Кто его знает? Говорят, есть малость. Заучился или переучился... что-то в этом роде... Но слушайте, слушайте...

– О, мое царство, царство, созданное мною! – восклицал Юрьевский. – Я ревниво оберегал тебя от любого вторжения. Мои миры должны быть целы. Пусть погибнут земля, солнце, звезды, все, но, пока существую я, мое царство должно оставаться нерушимым. Я – его владыка, я – его единственный защитник, и горе тому, кто осмелится приблизиться к нему!

Он смолк, переводя дыхание.

– Что-то мудреное говоришь ты, Иван Афанасьевич, – робко произнес Петр Матвеевич, – совсем нашему разуму не под стать. Мы – люди серые, неученые, а ты в разных заграни-

цах бывал, всякое видел, уж прости ты нас...

Эти слова как будто привели в себя Юрьевского.

– Да, да, ты прав, Петр, прав, – упавшим голосом произнес он, – я не то, совсем не то хотел сказать... Но что? Ах, да! Ну, нет, все равно, не нужно... Да! Твое счастье, Вера! Не такое, как ты думаешь, а такое, какое я в своем воображении создал для тебя. Твое счастье, голубка моя, нежная, любимая! Верь, я уже позаботился о том, чтобы ты была счастлива.

– Это он про духовную, – шепнул Твердову сосед.

Тот хотел что-то ответить, но в этот момент раздался звон разбитого стекла. Это Юрьевский схватил со стола недопитый бокал и с силой бросил его на пол.

Эта выходка никого не привела в изумление.

– Молодец, Иван Афанасьевич! – слышались восклицания. – Говорил что-то несуразное, а закончил по-русски... На свадьбах всегда стекла бьют.

Юрьевский между тем вышел из-за стола и подошел к Вере.

– Прощай, ухожу! – проговорил он.

– Куда, крестный, зачем? Разве вы хотите обидеть меня?

– Я? Тебя, которой отдан каждый мой помысел? Нет, дитя, нет! Я не хочу мешать. Ты думаешь, что в эти минуты ты счастлива? Ну, хорошо, думай так! Ты думаешь, что ты ушла из моего царства, из того именно, где ты царишь полновластно, а я, его владыка, как жалкий раб, валяюсь у твоих ног? Но ты вернешься... знаю, вернешься. Ты придешь и займешь свой престол... Ты не можешь уйти, я не отпущу тебя.

– Право, крестный, я не знаю, про что вы? – теряясь и бледнея, проговорила Вера.

– Так, так... Прости больному, бедному, одинокому старику... Прости, до свидания!...

Юрьевский говорил при полной тишине. Все были удивлены его бессвязным бредом, а потому вздохнули с облегчением, когда Юрьевский покинул зал.

– Ну, уж! Всю душу вымотал! – обратился к Петру Матвеевичу его сосед. – О чем это он говорил-то? О каком-то царстве?

– Бог его знает, – махнул тот рукой, – всегда

ОН ВОТ В ТАКОМ ПОЛОЖЕНИИ.

– Полечиться бы.

– Да как к нему подступиться-то?

– А что? Тебе, Петр Матвеевич, разве трудно? Вот уже сколько времени он только у тебя одного и бывает... Больше ведь никуда ни ногой.

– Верушу любит... Спасибо ему за это... А все-таки жалко человека... вздор мелет.

– Нет, простите меня, Петр Матвеевич, – вмешался прислушивавшийся к разговору Твердов, – ваш родственник – несомненный маньяк, но смысл в его словах есть.

– Какой уже там?... Не то бред, не то дурачится.

– Не говорите! – с убеждением заметил Твердов. – Я согласен, что это – бред, но бред, принявший вполне определенные формы. Ваш мрачный родственник живет во власти одной идеи, всецело под влиянием своей мечты о каком-то одному ему видимом царстве. Я видал таких людей. Одни из них безобидны, другие прямо опасны.

– Ну, про Ивана Афанасьевича сказать нечего – добр и ласков. Верушу то он как лю-

бит!

– Еще бы! Ведь она – царица его царства.

К Твердову подошел Гардин и взял его под руку.

– Что с тобой? – взглянул на него Николай Васильевич. – Ты сам не свой, бледный как полотно.

– Не знаю, Коля, что-то не по себе.

– Вероятно, здесь есть какая-нибудь комната. Пошел бы прилег, отдохнул...

– Нет, не нужно, еще напугаешь... Не надо, Коля... Как-нибудь... пройдет... На сквозняк попал, вот и все. Пройдемся-ка лучше... Скоро танцы...

Они пошли.

– Фу, какой мрачный человек этот Юрьевский, – как будто через силу проговорил Гардин. – Перед обедом он отвел меня и говорил о том, что меня ждет нирвана. Что это такое? Я не понимаю этого слова, но он говорил так, что я невольно перепугался... Давеча он о трупе говорил, а теперь о какой-то нирване. Потом за обедом грозил кому-то и на меня все так страшно смотрел... Фу, пойдем скорее к Вере, музыканты начинают... Пойдем скорее!

Они поспешно пошли через зал к молодой, сидевшей со своими подругами. В тот самый момент, когда оркестр сыграл ритуфель к кадрили, Гардин, бывший на середине зала, вдруг пошатнулся. Твердов удержал его от падения, приняв на руки, но, взглянув ему в лицо, вскрикнул:

– Помогите, он умирает!

В этом крике, раздавшемся среди всеобщего веселья, было столько ужаса, что сразу же все словно онемело, и только находившийся на хорах оркестр продолжал веселый мотив.

А Николай Васильевич медленно опускал на паркет трепетавшее в предсмертных судорогах тело Гардина. В том, что он умирает, не могло быть сомнения: его лицо потемнело от прилива крови, грудь высоко вздымалась, словно ему не хватало воздуха, рот был широко открыт.

Прошло несколько мгновений, и вслед затем по залу пролетел новый вопль, пронзительно-ужасный, в звуках которого выливалась тяжелая душевная мука. Это вскрикнула понявшая, наконец, в чем дело, Вера Петровна. С протянутыми руками, с широко раскры-

тыми от ужаса глазами она кинулась к тому, кто только что был ее супругом, хотя пока только по имени. При ее вопле смолк, наконец, оркестр, и в зале несколько мгновений стояла мертвая тишина.

Вера Петровна застыла около лежащего на паркете мужа, голову которого поддерживал Твердов, и обезумевшим взглядом смотрела на него, словно не понимая, что происходит. Гардин был еще жив; пальцы его рук судорожно шевелились, царапая паркет. Ужас, овладевший всеми, был так велик, что забыли даже позвать доктора и опомнились только тогда, когда он сам явился, добытый откуда-то прислугою кухмистерской. С его появлением все как будто оживилось. Явилась надежда, что, может быть, несчастного удастся спасти.

Евгения Степановича, все еще живого, подняли и перенесли на диван в соседний с залом маленький кабинет. Кто-то взял под руку Веру Петровну и осторожно повел ее туда же. Бедняжка пошла, но, видимо, не соображала даже, куда и зачем ее ведут.

Только когда она скрылась за портьерой,

отделявшей кабинет от зала, все оставшиеся в последнем оживились, заволновались, заговорили. Оказалось, что многие ожидали, что молодому Гардину не избежать участи своих предшественников.

В зале оставались только посторонние. Старики Пастины, несчастная новобрачная, ближайшие родственники, доктор и еще кое-кто из более близких людей были около умирающего. Из кабинета не доносилось никаких звуков; там было все тихо, как будто не в этой тесной комнате разыгрывался последний акт ужасной, загадочной драмы.

Твердов, помогавший нести Евгения Степановича, как только уложил его, сейчас же вышел и теперь в зале дожидался, чем завершится вся эта катастрофа.

Когда он вышел из-за портьеры, его сейчас же окружили любопытные, заметившие, что только он был с Гардиным, когда с ним неожиданно началась предсмертная агония. Благодаря этому Николай Васильевич стал предметом всеобщего любопытства, с ним заговаривали, его расспрашивали. Молодой человек был так потрясен, что даже не замечал

своего исключительного положения в больше любопытствующей, чем угнетенной внезапной катастрофой толпе.

– Да что же это такое? – восклицал он. – Скажите, господа! Я здесь почти новый человек. Я слышал, что это не первый жених Веры Петровны, трагически кончающий жизнь.

– Какой же первый! – хихикнул кто-то. – Шестой уже!

– Шестой? Что же это? Уж не дочь ли ветхозаветного Рагуила – Вера Петровна? С той что-то подобное случилось, но ведь тогда все это возможно было.

– А вот видите, и теперь то же случается. Но позвольте, пожалуйста, вы были как раз около Евгения Степановича, когда с ним произошло это. Что же? Говорил он что-нибудь?

Толпа гостей теснее окружила Николая Васильевича в ожидании самых интересных подробностей. Твердов огляделся, и почему-то ему в глаза бросился один из наиболее любопытствующих. Это был среднего роста полный господин, с гладко выбритым лицом, до того подвижным, что выражение его ежесе-

кундно менялось, так что казалось, что этот человек постоянно гримасничает. Однако в его пронизательных глазах светились острый ум и хитрость, да и сама внешность, несмотря на необыкновенную подвижность физиономии, отражала несокрушимую энергию и волю. Он, молча пристально смотрел на Твердова, казалось, вникая не только в то, что он говорил, но даже в малейшие оттенки его голоса.

– Так что же заметили вы, добрейший? – раздался снова настойчивый возглас.

– Что я заметил? Да ничего особенного! – с раздражением ответил Твердов. – Ну, понятно, человек был взволнован. Дело обычное. Потом этот мрачный Юрьевский со своей нирваной расстроил его. Женя увидал в его словах какие-то угрозы.

– С какой нирваной? – быстро спросил Твердова бритый господин. – Господин Юрьевский произнес странный тост, но он говорил более о себе... я не слышал ничего о нирване.

– Ах, да... ведь это не за столом было, – вспомнил Николай Васильевич и хотел рас-

сказать о своем последнем разговоре с Гардиным, но как раз в это время из-за портьеры вышел полицейский офицер и, обращаясь ко всем, громко сказал:

– Господа! Гардин умер.

– Умер? – кинулся к нему Твердов. – А Вера Петровна?

– Не знаю, – сказал полицейский, пожав плечами. – На нее словно столбняк какой-то нашел. Она не плачет, не убивается, а молчит, как онемелая... в лице ни кровинки. Еще бы! Такой ужас, и не в первый раз. Ее с доктором повезли домой. Что будет дальше? Мать и отца мы тоже отпустили.

– И она пошла спокойно?

– Совершенно! Я уже докладывал вам, что она в каком-то непонятном столбняке. Пережить такое потрясение, притом в такой день... Господа! Вы все были очевидцами этого печального события. Просил бы вас сказать ваши фамилии. Послано за следователем, и он, вероятно, сейчас прибудет. Пожалуйста, не расходитесь, иногда малейшее указание открывает следы.

– Как? Разве заподозрено преступление? –

воскликнул Николай Васильевич.

– Как сказать? Все может быть... следствие покажет.

Твердов покачал головой. Он знал Гардина с детства, хотя в последнее время они разошлись и встречались редко. Твердов – богатый молодой человек и в России бывал редко, проводя почти все время в путешествиях, а Евгений Степанович никуда далее ближайших окрестностей Петербурга не ездил. Но Николай Васильевич знал его как доброго, всем без исключения симпатичного юношу, никому не делавшего зла. Он был совершенно незлобив, не имел врагов, корыстных выгод его смерть никому не могла принести, так что Твердов был уверен, что преступления в данном случае быть не могло.

Зал между тем опустел. Приглашение полицейского офицера подействовало в обратную сторону – после просьбы остаться большинство сейчас же разошлось.

„Моя хата, дескать, с краю, ничего не знаю. Вмешиваться – тягать будут, лучше уйти“.

Остались немногие. Одни из них не могли преодолеть свое любопытство, другие искрен-

не желали принести пользу своими показаниями. Да, собственно говоря, все знали одно и то же: человек был за минуту жив, здоров, весел, счастлив, но вдруг упал и умер.

В конце зала, огни которого почти все были потушены, поставили стол для судебного следователя. Стало томительно-мрачно.

Твердов решил остаться и дать показания. Он считал это необходимым потому, что был около несчастного Евгения Степановича в последние мгновения его жизни. Припоминая мельчайшие подробности, предшествовавшие трагедии, он большими шагами расхаживал по залу, не замечая, что следом за ним ходит и тот бритый господин, которого он заметил ранее.

Поворачиваясь, он столкнулся с ним лицом к лицу.

– Виноват-с! – произнес тот и отступил, но так, что Николаю Васильевичу никаким образом нельзя было обойти его и волей-неволей пришлось остановиться. – Виноват-с, – повторил незнакомец, – маленький вопрос имею к вам. Прошу минуту. Позвольте представиться. Кобылкин я. Преотвратительная, смею

сказать, фамилия, но что же поделать? Так я буду Кобылкин, Мефодий Кириллович. Изволили запомнить? Мефодий Кириллович.

Он с особым оттенком произнес свою фамилию, как будто она должна была быть известна всем и каждому, но Николаю Васильевичу она решительно ничего не говорила.

– Очень рад, – равнодушно произнес тот, – чем могу служить?

– Так вот, Кобылкин Мефодий я... Не слышали?

– Нет, не приходилось. Не имел чести.

– Тем лучше! Какая же честь? Так вот, осмеливаюсь просить я рассказать мне про нирвану-то, про нирваночку-то эту самую, которую высокопочтеннейший Иван Афанасьевич пугал покойного Евгения Степановича.

– Но почему это так интересуется вас?

– Я люблю, признаться сказать, вникать во всякое дело, до тонкостей его доходить. А тут такой случай... ах, какой ужасный случай!

Теперь он пропустил мимо себя Твердова и семенил, покачиваясь всем корпусом, рядом с ним.

Николаю Васильевичу и самому хотелось

припомнить подробности последнего разговора с несчастным Гардиным, и он поспешил удовлетворить любопытство Кобылкина.

– Вот оно что? – воскликнул тот, когда Твердов кончил свой рассказ. – Нирвана, небытие... об этом, если не ошибаюсь, индийские брамины проповедуют. Ну и, доложу вам, умнейшая голова наш почтеннейший Иван Афанасьевич! Все-то он знает, до всего доходит, во все вникает. А вы тоже совершенно справедливо изволили назвать бедняжечку Веру Петровну дочерью Рагуила. Точь-в-точь ветхозаветная история в наши дни повторяется. А как ловко господин Юрьевский бокальчик-то об пол хватил... вдребезги весь. Для молодых это хорошо: к богатству, если на свадьбе да на новоселье посуду бьют. Взял и разбил, со злом разбил: в бокале-то еще на четверть, а нет и более, шампанского оставалось. Вот, кажется, на этом самом месте?

С этими словами он подвел Николая Васильевича как раз к тому месту, где во время обеда стоял стул Юрьевского.

– Не помню, – с некоторой досадой отозвался Твердов, которому начинало надоедать

бормотанье Кобылкина. Он видел в нем просто любопытного человека, но вдруг ему пришло на ум новое соображение. – Вы не из газеты? – спросил он у Кобылкина.

– То есть вы хотите сказать, не репортер ли я? Если угодно, пожалуй, и так. Но прежде всего я – Кобылкин, Мефодий...

„Да что это он ко мне со своей фамилией пристаёт?“ – с новой досадой подумал Твердов и только для того, чтобы сказать что-нибудь, спросил:

– Не приехал следователь-то еще? Долгонько, однако!

– А вы спешите? – затараторил Кобылкин. – Так с Богом... У меня пристав знакомый! Хотите, попрошу? Вы оставите свою карточку – вот и все. Что вам здесь томиться? Угодно, могу услужить.

Волнения этого дня так утомили Твердова, что он едва держался на ногах. Поэтому он обрадовался предложению своего неожиданно знакомого.

– Пожалуйста, если можно! – сказал он.

– Моментально... пройдемте вон туда. Через секунду все покончим, и отправляйтесь

домой...

Он взял под руку Николая Васильевича и, тараторя без умолку, пошел с ним отыскивать знакомого пристава.

– А что, можно мне, как вы думаете, к Жене пройти? – спросил Твердов, когда они проходили мимо портьеры, прикрывавшей проход в кабинет, где лежало тело Гардина.

Теперь проход туда уже охранялся городовым.

– К покойничку? Отчего же нельзя? Только стоит ли? Знаете, батенька, с нервами шутить нечего. Еще сниться будет! После, при честном погребении... А теперь покойничек-то лежит себе – хе-хе-хе! – в нирване этой самой... Вот уж, доложу вам, преоригинальная первая брачная ночь!... Не ходите, голубчик, – вдруг совсем задушевым тоном заговорил Мефодий Кириллович, – не портите себе впечатление...

Он ловко провел Твердова мимо городских и, подойдя к полицейскому приставу, сидевшему в выжидательной позе у стола, что-то шепнул ему. Тот взглянул на Николая Васильевича и утвердительно кивнул головой.

– Пожалуйста, пожалуйста! – приветливо заговорил он. – Вы – лицо известное. Следовательно допросит вас у себя в кабинете. Карточку можно с адресом...

Твердов был отпущен. Когда он вышел из кухмистерской, у подъезда все еще стояла толпа. Ему показалось, будто при слабом свете уличного фонаря он увидел бледное лицо Юрьевского с его диким взглядом.

„Э, черт! Что это я? Галлюцинировать, что ли, начал?“ – подумал Николай Васильевич и, сев в поданный ему экипаж, отправился прямо домой.

Неожиданное предложение

Николай Васильевич Твердов, человек ко-
чевой, жил в гостинице, занимал номер
в три комнаты. Плохо спалось ему в эту ночь.
Чуть ли не в первый раз в жизни им вдруг
овладело чувство суеверного страха. Николай
Васильевич порывался уйти куда-нибудь на
люди, чтобы только не быть одному, но в то
же время сказывалась усталость, и его тянуло
в постель. Но как только он ложился и закры-
вал глаза, ему начинало чудиться, что перед
ним стоит несчастный Гардин, грустно улы-
бается ему и кивает головой. Твердов открыв-
вал глаза, и образ покойного приятеля все
еще продолжал грезиться ему и наяву. Ло-
жась в постель, он приказал, чтобы в его
спальне было как можно больше света. Но и
свет был не в силах рассеять галлюцинации.
Гардин в его воображении вдруг сменился
Юрьевским, и Николай Васильевич ясно слы-
шал его глухой голос, все говоривший что-то
о нирване, о своем царстве. И вдруг голос

смолк, и в ушах Твердова совершенно отчетливо раздался звон разбитого бокала.

Так прошла вся ночь, и Твердов задремал почти под утро.

Стук в дверь заставил Николая Васильевича проснуться. Вошел слуга и доложил, что какой-то господин хочет непременно видеть его.

– Кто такой? – раздраженно спросил Твердов. – Как фамилия?

– Не говорят. Объясняют, что они вам известны.

– Проси в кабинет! И одеваться!

Выйдя через некоторое время из спальни, Твердов, к своему великому удивлению, увидел, что ранним гостем у него был не кто иной, как Мефодий Кириллович Кобылкин.

– Не ожидали в такую рань? Хе-хе-хе! – поднялся тот с места при входе хозяина. – Уж как хотите, извиняйте... я все по поводу вчерашнего случая.

– Очень приятно, прошу вас садиться, – ледяным голосом ответил Твердов. – Чем могу служить?

– Многим, молодой человек, безмерно мно-

гим, – выразительным тоном ответил гость, – да не мне, старику.

– Кому же тогда? Чему я обязан столь приятным знакомством?

– Чему обязаны? – ответил тот. – Да все вчерашнему прискорбному событию, а кому вы послужить можете, так я это сейчас доложу вам: Фемиде, сиречь правосудию человеческому, послужить вы можете, вот-с кому.

– Да кто же вы тогда? – вскричал пораженный этим объяснением Твердов.

– Кобылкин, Мефодий, сын Кириллов, – было ответом.

Тут только словно озарило Николая Васильевича. Ведь это имя гремело не только в Петербурге и в России, но даже и за границей. Про Кобылкина ходили рассказы, похожие на легенды. Говорили, что для него не существует никаких тайн, что самые запутанные преступления раскрывались им с непостижимой скоростью. И теперь этот человек с самым смиренным видом сидел перед Николаем Васильевичем.

– Простите, пожалуйста, – заговорил Твердов, – я удивлялся вчера, что вы так подчерк-

нуто называли свою фамилию, но, поверьте, вчера мои мысли были так далеки от всего окружавшего меня, что я даже и сообразить не мог, кого я вижу перед собою. Вас ли не знать, хотя бы по фамилии! Я не раз бывал в Лондоне, – а там ваше дело поставлено на высокую ступень, – но и там отзывались о вас чуть ли не как о гении... Еще раз простите...

– И прощать-то мне вас нечего, Николай Васильевич, – задушевно-ласковым тоном ответил Кобылкин. – Ничем вы предо мною не провинились. Да вовсе и не в том дело. Я пришел к вам с некоторым проектом, потому пришел, что человек вы смелый да решительный. Вот и надумал я просить вашей помощи.

– Готов служить, распоряжайтесь мною, как вам угодно.

– За обещание спасибо великое. А в чем мне нужна помощь ваша, сейчас скажу. Вы никуда не торопитесь?

– Нет, нет... Пожалуйста, я весь ваш... Не могу ли предложить чего-нибудь?

– Чайку бы! Смерть люблю беседовать за чайком, а наша беседа будет продолжительной. Говорить мне много придется.

Твердов позвонил и приказал подать чай.

– Так вот, Николай Васильевич, в чем мое дело-то, – заговорил Кобылкин, когда чай был подан. – Видите ли, старик я, и много, ух как много видал на своем веку! Только одного никогда не видал, – вероятно, и вы тоже, – чтобы случайности совпадали... Представьте себе, сидим мы, а на нас вдруг обрушивается потолок, и мы остаемся целы и невредимы. Потолок поправляют, мы приходим и садимся, и он опять на нас валится, и опять мы без царапинки даже. Не может быть такого совпадения случайностей. А вчерашняя смерть... ведь она, так или иначе, шестая, и все при одних и тех же обстоятельствах... Является жених, слаживается дело, назначается свадьба, и вдруг жениха нет, словно ветер их всех сметает с лица земли. Уж, не в самом ли деле эта девушка – ветхозаветная девица, которой „изгнанник Неба и земли“ препятствовал вступить в законный брак? Так ведь и в то время нашлось средство честию попросить этого „изгнанника“ убраться подальше, а мы... сидим, сложа руки, да ахаем. Тьфу ты! Обидно просто...

– Простите, я вас перебыю, – остановил его Твердов. – Что с Верой Петровной?

– Слава Богу, пришла в себя, убивается, плачет. Да это ничего! Слезы девичьи что роса: взойдет солнце и высушит. Поплачет-поплачет, похоронят этого беднягу Гардина, а его вдовушка, которая ему и супругою-то не была, подыщет нового жениха, а с тем опять что-нибудь вроде вчерашнего. Вот тут что хотите, то и делайте! Посудите сами, добрейший мой, что выходит: миленькая, хорошенькая барышня, единственная дочка очень состоятельных родителей, крестница и уже объявленная наследница миллионера. Понятно, женихов тьма-тьмуца, выбирай любого. Ну, о первых двух и говорить не буду – старая история, да и рассказ затянется. Начну прямо с третьего. Раз барышне неудача, два – неудача. Ну, что же, это бывает. Является третий жених, милый юноша, прекрасно образованный, хорошей семьи, тихий, кроткий. Середин его звали. Познакомились семьями, понравились все друг другу. Дальше, как и везде бывает: взгляды, вздохи, робкие полупризнания, потом свиданьице и предложение руки

и сердца. Девушка ликует. Неужели же и в третий раз неудача? Быть того не может! Хорошо. Родители согласны, свадьба назначена, приданое сшито. Вдруг жених исчезает бесследно! Даже сказать нельзя, что в воду канул, – выплыл бы тогда где-нибудь. Родители плачут, невеста плачет. Что поделаешь! А тут подвертывается четвертый жених – Иван Михайлович Антонов. Откровенно скажу: не по невесте он был, то, что называется купчик серый. Этот прямо на капитал льстился и открыто об этом говорил: „Мне бы только в карман заполучить, и никакой судьбы я не боюсь. Слава Тебе, Господи! Пудовиком крещусь, из кочерги какой угодно вензель выгну“. И действительно, детина был рослый, в плечах – косая сажень, грудь – колесом, а мускулами на руках бечевки рвал. Из медведей медведь. Вера-то Петровна и идти за него не хотела, плакала все, да потом согласилась. После Середина женихи чураться ее стали. За Антоновым без числа глаз следило. Заприметили, что барышню Пастину судьба преследует, ну и любопытство, что с этим геркулесом станется. А он только знай себе, подсмеивает-

ся и в ус не дует. „Мне на вашу судьбу наплевать! Я ее во как! – бахвалится Иван Михайлович, а сам свой пудовый кулачище трясет. – Ученые люди говорят, будто судьба-то – индейка, так я ей курицыну мамашу покажу!“ Ну и наплевал, ну и показал! В канун свадьбы Антонов мальчишник справил. Перепились все там, как водится, его пьяного домой привезли, на постель сунули; он захрапел, богатырским сном заснул, а наутро уже не на постели, а на полу валяется. Горло от уха до уха перерезано, бритва тут же, а на постели записка: „В смерти моей прошу никого не винить“.

– И записка его, этого Антонова, рукой написана? – спросил Николай Васильевич, заинтересованный рассказом Кобылкина.

– Его, его! Даже смерть, как он всегда писал, через „ять“ написана...

– Но ведь вскрытием могли же определить, убийство тут или самоубийство? Наука же определяет признаки этого...

– Ничего не определили. И так, и сяк. Я забегал посмотреть. Кинулось одно мне в глаза: рана на горле очень уж аккуратна была, буд-

то хирург какой над нею поработал. Я тогда высказал свои соображения, да презрели мои слова. Дело прекратили – и конец всему. Но я с тех пор стал подумывать: „Что же за девица такая несчастная? Кто бы ей руку с сердцем ни предложил, всякий с курьерским поездом на тот свет отправляется“. Начал я приглядывать, примечать. За Пастиными следил – добрые, хорошие люди, и девочка-то умница-разумница. А тут пятый жених подвернулся, Сергей Васильевич Марков, военный. Тоже храбрость показать хотел. Этот все говорил, что ничего не боится, потому что в настоящих боях на войне участвовал. Думаю я, что он тоже на капитал льстился, только, как человек воспитанный, свои намерения игрой в любовь прикрыть сумел. Как свадьбу назначили – и этот на тот свет убрался. Летнее время было. Ехал этот Марков к невесте на дачу, вышел на площадку и очутился под поездом. Но тут хотя кто-нибудь видел. Крестный папаша барышни Пастиной ехал...

- Юрьевский? – вскрикнул Твердов.
- Он самый. Он и тревогу поднял.
- Скажите, что он за человек?

Кобылкин как-то особенно взглянул на своего собеседника и медленно произнес:

– А вы почему меня о нем спросили?

– Удивил он меня вчера... Бред его... Большой он.

– Ну, как я могу это сказать? Я не психиатр. Юрьевский – человек богатый, совершенно одинокий, живет в собственном особняке с двумя слугами, занимается какими-то таинственными науками. Может быть, учение браминов о нирване исследует, кто его там знает, а может, черной магией занимается. Только мне кажется, что свою крестницу он без ума любит... чуть ли не больше, чем следует. А вы напрасно его вчерашний спич бредом называете: смысл в нем есть, и большой.

– Вот и я то же самое вчера говорил, – заметил Николай Васильевич, – но мы отвлекаемся. Что же?

– Дальше-то что? Похоронили и пятого беднягу. Женихи от заколдованной девицы все разбежались. И в самом деле, какое их положение? Никому жизнь не надоела. За одну только честь побыть неделю-другую женихом – не супругом, хотя бы и незаконным, а

только женихом – расплачиваться жизнью никто не будет. Цена высока, не по цене товар. Однако вот шестой-то все-таки нашелся. Хороший, добрый, сердечный юноша. Как я только узнал, возликовал. Ну, думаю, теперь ты, такой-сякой „изгнанник Неба и земли“, – а кто же, как не он, женихов Пастиной морил? – от меня не отвертишься. Посмотрим, чья возьмет! Как только Гардин покончил с Пастиным, стал женихом современной дочери Рагуила, я его, незаметно для него самого, самым бдительным надзором окружил. Самые смышленные, самые опытные из моих молодцов были к нему приставлены, за каждым его шагом смотрели, буквально глаз не спускали.

– Все-таки конец один и тот же.

– Увы, тот же, но с некоторой и очень характерной разницей. Неужели вы из моего рассказа не увидели ее?

– Представьте, нет. Что же?

– А то, что все предшественники бедного Гардина до свадьбы на тот свет отправлялись, а он – в день своего венчания. Те все дальше женихов не шли, а этот супругом умер. Стало

быть, мой присмотр на что-нибудь и пригодился. Не будь его, Гардин умер бы раньше. Ну какое же тут совпадение случайностей!

Твердод был поражен этим выводом.

– Но позвольте, ведь вы указываете этим, что совершались преступления?

– Ничего пока не знаю, – ответил Кобылкин, пожав плечами.

– Погодите! Ваши агенты зорко следили за каждым шагом покойного Гардина? Так? И когда, в какой момент окончился этот надзор?

– Он и не кончался. В кухмистерскую явился я сам, как вы изволите знать.

– И вы ничего подозрительного не заметили?

– Решительно ничего такого, что бросалось бы в глаза.

– Ничего не понимаю! До прибытия молодых к свадебному столу за Гардиным следили ваши агенты? Его смерть произошла в то самое время, когда наблюдали за ним вы? Да? Стало быть, то, что привело к смерти этого беднягу юношу, совершено уже после вступления его в зал этой кухмистерской?

– Все может быть, и ничего не может быть.

Этот ответ Кобылкина не на шутку рассердил Николая Васильевича.

– Но у вас-то есть какие-нибудь соображения, свои собственные выводы?

– Вот об этом позвольте мне умолчать до поры до времени, – улыбнулся Кобылкин.

– Тогда о какой же моей помощи вы, черт возьми, говорили? – вспыхнул Твердов. – Чего вы от меня хотите?

– Да немногого, черт возьми: я хочу, чтобы вы явились Товием для современной дочери Рагуила, другими словами, хочу, чтобы вы посватались за Веру Пастину-Гардину и стали ее женихом. Только и всего.

Твердов опешил, услышав слова Кобылкина.

– Как это стать ее женихом? – с заметным недоумением спросил он, взглядывая на Мефодия Кирилловича.

– Очень просто, – было ответом. – Явитесь к Пастиным, поухаживайте за молоденькой несчастной вдовушкой и потом предложите ей руку и сердце.

– Но ведь это значит, что я должен женить-

ся на ней?

– А уже это как хотите, мой молодой друг, – с улыбкой проговорил Кобылкин. – Отчего же и не честным пирком да за свадебку? Оба вы – люди молодые, красивые, чем же друг другу не пара? Очень рад буду, если поженитесь...

– Вы изволите насмехаться надо мною, господин Кобылкин! – резко проговорил Твердов. – Я принимаю ваши слова как насмешку.

– И напрасно. Я говорю совершенно серьезно.

– Не могу этому верить. Вы только что битый час рассказывали мне всякие ужасы, от которых у нервного человека волосы должны были бы дыбом встать, а теперь сами же предлагаете мне сознательно разделить участь этих несчастных Середина, Антонова, Маркова и моего бедного приятеля Гардина. Что же это, как не насмешка?

– Да нисколько же, добрейший мой Николай Васильевич, – заговорил Кобылкин, и его голос вдруг стал таким кротким, что прямо проникал в душу собеседника. – Прежде чем прийти с подобным, сам я это понимаю, неожиданным предложением, мне необходи-

мо было добыть о вас кое-какие сведения. И вот я узнал, что вы – смелый и решительный человек. Чего же мне лучшего желать? Вы, при малейшем желании со своей стороны, легко поможете мне открыть тайну, непроницаемой завесой окружающую шесть весьма печальных случаев. Неужели вам самому не улыбается перспектива проникнуть в непроглядную тьму этой тайны, побороться с таинственным незнакомцем, изображающим в данном случае „изгнанника Неба и земли“? Неужели, наконец, вы откажете молоденькому, ни в чем не повинному существу, этой бедняжке Вере Петровне, в своей помощи? Ведь ясно, что кто-то чрезвычайно могущественный препятствует ей познать великое счастье жены и матери. Вот этого таинственного «кого-то» я должен найти, а найти его я могу только с помощью вас или кого-нибудь другого, равного вам по положению. Женитесь вы на Вере Петровне или нет, – а отчего бы и не жениться? – это ваше личное дело, я же предлагаю вам только одно: стать ее женихом, то есть, другими словами, искусственно создать ту обстановку, в которой соверша-

лись все события, рассказанные мною вам в течение битого часа. Я ведь нарочно так подробно говорил вам о них и даже разоткровенничался по поводу бедного Гардина. Припомните, я рассказал вам, что за Гардиным был учрежден внимательнейший тайный надзор, и только благодаря ему, бедному молодому человеку удалось обвенчаться с этой злополучной бедняжкой. Но покойный юноша даже и не знал об этом надзоре. При всей моей опытности на этот раз я попал впросак. Я думал, что раз Исая возликовал, преследования судьбы – будем пока так называть эту таинственную силу, которая мешает Пастиной стать женою, – кончены. Ан нет! Оказывается, что таинственный «кто-то» именно этого и не хочет. Ведь не погиб же Гардин сегодня, когда он стал бы фактическим супругом Пастиной, а погиб вчера, когда эта бедняжка Вера хотя и изменила свою фамилию, но фактически осталась барышней Пастиной. Вот тут уже для меня является маленькая, крохотная задоринка. Я не мог предложить Гардину так вот, как предлагаю вам, стать своим помощником, союзником в деле рас-

крытия этой тайны: для этого бедняга не был достаточно образован. Вы же – совсем другое дело.

– Очень благодарен вам за такое мнение о моей незначительной особе, – иронически улыбаясь, перебил Мефодия Кирилловича Твердов, – но все-таки, откровенно сознаюсь, я предпочитаю свое теперешнее положение той нирване, в которую погрузился Евгений Степанович.

– Вот видите, вы о нирване-то помните, а меня дослушать не хотите! Уж пожалейте старика: выслушайте до конца. Я уже сказал о надзоре за Гардиным. Теперь несомненно, что были многие обстоятельства, которые, в силу самого положения действующих лиц, остались незаметными для наблюдавших, а для самого наблюдаемого являлись совершенно естественными и потому не привлекали к себе его внимания. Между тем именно эти обстоятельства и привели к столь печальному исходу, свидетелями которого мы все были вчера. Не скрою от вас, я начинаю уже подзревать. Я уже вижу не кое-что, а даже многое в крошечной тьме этой тайны. Только не мо-

гу же я действовать без проверки. Мало ли что мне во сне приснится! Вот я и хотел бы, чтобы вы явились поверочным фактором того, до чего я дошел путем некоторых соображений. Согласитесь вы – и с этого же мгновения, ради вашей безопасности, над вами будет установлен надзор, еще более бдительный, чем над бедным Гардиным. Вы же в свою очередь будете внимательно и зорко наблюдать за всем, что будет происходить в период вашего жениховства, и будете сообщать свои наблюдения мне. Понимаете?

– Да, – ответил Твердов. – Но почему ваше внимание остановилось на мне? Ведь у вас есть люди опытные, более меня наблюдательные.

– Вы хотите сказать, отчего я не откомандирую к Вере Петровне в качестве жениха кого-либо из своих помощников? Да по двум соображениям. Очевидно, наш противник очень могуществен; он легко узнает общественное положение подобного нового жениха, и будет действовать по-другому, соответственно именно с этим обстоятельством. То же общественное положение помешает тому или дру-

гому моему молодцу войти в дом Пастиных. Положим, роль жениха, я уверен, будет сыграна великолепно, но каково будет положение девушки, ее родителей, родных, знакомых, когда, в конце концов, так или иначе исполнив свою роль, жених откланяется, заявляя, что все эти тайные свидания, робкие поцелуи, нежные записочки, – а без них и прочего какое уж жениховство, – были не следствием какого-либо сердечного чувства, а просто-напросто исполнялись по предписанию начальства. Что, сердечнейший, скажете?

– Мне кажется, вы правы, – пожал плечами Твердов.

– Конечно же! Ведь это поразит и угнетет молодую особу куда более, чем трагическая смерть ее нареченных. Вы же – человек одного с нею круга. Если вы, по окончании своей миссии, откланяетесь, то, что же из этого? Мало ли свадеб расходуется? Если же честным пирком да и за свадебку, то – хе-хе-хе – зовите не зовите, а и в храме, и на пиру гостем буду и на крестины вашего первенца потом тоже без всякого зова приду... Так? По рукам?

Николай Васильевич задумался.

– А не лучше ли будет, добрейший Мефодий Кириллович, – сказал он, наконец, – предупредить обо всем этом, то есть о моем фиктивном жениховстве, Веру Петровну и Петра Матвеевича?

– Боже вас упаси от этого! Ни слова, ни звука, иначе все, все пропадет. Даже и в том случае, если вы откажете в своей помощи правосудию, слугою которого я имею честь быть, я покорнейше прошу вас никогда, ни при каких обстоятельствах не говорить и даже не упоминать не только о теперешней нашей беседе, но и о том, что вы когда-либо видели меня. Но я вижу, хе-хе-хе, что вы уже согласны; из вашего вопроса вижу. Быть бычку на веревочке, а мне, старику, пировать где-нибудь в уголке на веселой свадьбе, – рассмеялся Кобылкин. – По рукам, родной?

– Только без этого, без свадьбы, – сопротивлялся, но уже слабо Твердов.

Кобылкин лукаво прищурился.

– А уж это вы там как хотите. А отчего бы, в самом деле? Люди молодые... Ваш прообраз, Товий Товитыч, прекрасную партию с дочкой почтеннейшего Рагуила сделал. Вам же отче-

го бы не последовать его примеру? Впрочем, ваше дело, ваше дело. Супругом – как хотите, а уже женихом-то будьте! Моей старой головой вам об этом сама ее высокопревосходительство госпожа Фемида земно кланяется, – и Кобылкин поклонился Твердову. – Ну, что же, родной? – сказал он. – Надумали? По рукам?

– Знаете ли, откровенно говоря, вы заинтересовали меня, – задумчиво ответил Твердов. – Я никогда не был искателем приключений, но вот сейчас, обдумав положение, вижу, что могу принести некоторую пользу этим добрым, хорошим людям, которые теперь уверены, что их преследует судьба. Ведь они загнаны ею вконец. Вот ради них я и готов отдать себя в полное ваше распоряжение.

– И прекрасно! – даже подпрыгнул в кресле Кобылкин. – Я ни на одно мгновение не сомневался в вашем благородстве.

– Постойте! Когда мы, так сказать, снимем с бедных Пастиных гнет этой судьбы и Вера Петровна, наконец, будет счастлива, став женою и матерью, то мне будет наградой сознание того, что своим счастьем она обязана

мне. Чего это вы так смотрите? – с неудовольствием произнес он, заметив, что Кобылкин, опять лукаво прищурясь, глядит на него. – Чего вы?

– Да так, – ответил тот. – Припоминаю поговорку: „С огнем играть – обжечься“. Впрочем, молодой мой друг, некоторые ожоги вместо боли великое счастье человеку приносят.

– Оставьте! Вы опять... Уверяю вас, никакого чувства, кроме жалости, у меня к этой несчастной девушке нет.

– Да верю я вам, голубчик, верю! Доживем, все увидим... Ну, спасибо, великое русское спасибо вам за ваше согласие... Теперь мы этой самой судьбе вдвоем такую кузькину мать пропишем, что она навек перестанет безобразничать.

– Теперь скажите, – перебил его Твердов, – что я должен делать?

– Пока ничего... Или нет, вот что. Вы один живете?

– Один.

– Гм... Ваши средства, кажется, позволяют вам своего собственного слугу, камердинера что ли, иметь. Не позволите ли порекомендо-

вать? Хо-о-роший у меня человек есть на примете! Довольны были бы... право!

– А-а, понимаю! Что же? Пошлите, я с удовольствием возьму вашего человека.

– Прекрасно. Ну-с, вы спрашиваете, что делать? Да как вам сказать? Хорошо бы общество подготовить к вашему будущему предложению руки и сердца нашей бедняжке вдовушке. Вы ведь вхожи в дом к Пастиным?

– Да, я принят у них.

– Ну, начните бывать у них; сперва пореже, потом почаще, а там фрак, букет и все прочее, что жениху полагается. Впрочем, действуйте сами, вам с горы виднее.

– Но с вами я буду видеться?

– Несомненно! Как же иначе? Вот черкните записочку и передадите своему камердинеру, тому, которого вы по моей рекомендации возьмете, он уже доставит. Итак, мы поладили. Так я поспешу, бедняга мой ждет не дождется, когда я его на место пристрою. Так чем скорее, тем лучше. Лечу! До свиданья... Руку, благородный союзник, и смело вперед!

Твердов проводил своего незваного гостя, приказал подать себе завтрак и задумался.

„Очевидно, этот Кобылкин уже что-то знает, – размышлял он, – он что-то пронюхал, но пока еще ни в чем не уверен и не решается действовать сам. Ну что же? Игра опасная. Перспектива быть зарезанным, сброшенным с поезда, пропасть без вести не из приятных... Да что я? Откуда я знаю, что это – чьи-то преступления? Антонов мог сам зарезаться, Марков – жертва своей неосторожности, Середин мог утонуть, мало ли что? Но Гардин, Гардин... Все-таки что-то или, вернее, кто-то тут есть... Эх, была не была! Эта Верочка, такая миленькая, свеженькая... Я глаз не спускал с нее весь вчерашний вечер, залюбовался просто и даже Гардину завидовать начал. Да что это я? – рассмеялся про себя Твердов. – Уж, не в самом ли деле?... А чудак этот Кобылкин!... Дочь Рагуила. Товий, между ними демон какой-то, демона побоку, и – Исая, ликуй... Ну, авось до этого не дойдет. А прав Кобылкин, тут не судьба, а если и судьба, то в образе двуногого зверя действует“.

Размышления Николая Васильевича были прерваны появлением слуги.

– Вас спрашивает какой-то человек, – доло-

жил он.

– Кто? – спросил Твердов.

– Не могу знать, простой какой-то, говорит: по рекомендации.

– А, знаю, зовите! – приказал Николай Васильевич.

В кабинет вошел мужчина, крепкого сложения, с маловыразительным, но приятным лицом.

„Мой телохранитель“, – подумал Твердов и спросил:

– Вы по рекомендации?

– Так точно! Прослышал, что вашей милости камердинер требуется.

– Собственно говоря, не камердинер, – ответил Твердов, думавший в то же время: „Ну что мне с ним говорить? К чему эта комедия?“ – а человек, который был бы при мне постоянно и соединял бы в себе сразу несколько обязанностей. Можете вы?

– Точно так. Мне говорили, что у вас место хорошее.

– Прекрасно! А ваши условия?

– Помилуйте! Столько времени без места... Что положите, за все буду благодарен. Не из-

вольте беспокоиться.

„Зачем это он? – думал Николай Васильевич. – Но все-таки, надо сознаться, ловко играет свою роль – любому актеру впору. Что-то дальше будет? А пока попробую испытать его“.

Он с улыбкой принялся разглядывать стоявшего перед ним человека. Тот был невозмутим.

– Как вас зовут? – спросил Твердов.

– Василий Андреев, по фамилии Савчук.

– Малоросс?

– Так точно... из Черниговской...

– Так, так... А скажите, Василий, я как будто вас где-то видал? Да, да, вот где! – и Николай Васильевич назвал фамилию кухмистра, у которого происходил так трагически закончившийся накануне свадебный бал.

– Все может быть, ваша милость, – невозмутимо ответил Савчук, – я вчера там по вольному найму прислуживал. Что делать, кормиться нужно.

– Ага, стало быть, я прав! Так, так...

Николай Васильевич не видал этого человека в числе слуг кухмистерской и сказал на-

обум, но это убедило его, что перед ним человек, посланный Кобылкиным.

– Так, так, – повторил он. – Ну, когда же вы, Василий, можете начать вашу службу у меня?

– Когда прикажете, барин, каждую секунду, вот хотя бы сейчас.

– Как это так? Вы ведь будете жить у меня?

– Так точно. Лицо, рекомендующее меня вам, уверило меня, что я поступлю непременно. Я имел смелость забрать все пожитки и явиться сюда с ними.

– Вот как! Очень хорошо! Ну, тогда с Богом! В добрый час! – произнес Твердов, а сам подумал:

„Скоро же действует Кобылкин! Правду сказать: кажется, я уже под надежной охраной“.

IV

Пари

Савчук в несколько минут устроился у Твердова так, как будто жил у него долгие годы. Николай Васильевич следил за ним и только удивлялся расторопности этого человека. Не прошло и четверти часа, как он уже явился и сказал:

– Осмелюсь предложить, Николай Васильевич, вы изволили сказать мне, чтобы я был около вас безотлучно, то есть я понял это так, что коли вы меня в глухую полночь потребуете, так я и тогда должен предстать пред вами.

– Так, так. Ну и что же?

– Рядом помещенье для меня есть; номерочек крохотный и дверью с вашим апартаментом – с гостиной вашей – сообщается. Очень недорогой. Не разрешите ли?

– Это очень хорошо будет! Пожалуйста, пожалуйста, устраивайтесь, а я сейчас уезжаю.

– Когда изволите вернуться?

– Не знаю, право... Вы можете распорядиться обедом, чаем – всем, что вам угодно, я

сделаю распоряжение. Даже, – взглянул Твердов на часы, – вы совершенно свободны до семи часов вечера. Я не вернусь ранее этого времени... Теперь помогите одеться.

Василий оказался камердинером на редкость. Туалет прошел так, что у Твердова не возникло повода быть недовольным своим новым слугой.

Перед уходом он спросил у Савчука, есть ли у него паспорт. Тот показал ему документ, в подлинности которого можно было не сомневаться, только от наблюдательного Николая Васильевича не укрылось то, что документ выдан в тот же день, когда к нему явился Савчук. Все это успокоительно подействовало на Твердова.

„Так, так, это хорошо, – соображал он. – Под такой охраной не страшно“.

Твердов прежде всего хотел отправиться в больницу, куда было отвезено для вскрытия тело несчастного Евгения Степановича, но раздумал и поехал в ресторан, где надеялся встретить приятелей, бывших с ним накануне на злополучной свадьбе. Он не ошибся. Почти все молодые люди, которые были вчера,

собрались здесь, в большом отдельном кабинете. Разговоры вертелись около внезапной смерти Гардина и вообще печального события накануне. Твердова, очевидно, поджидали с нетерпением.

– А, наконец-то! Вот и он! – раздались восклицания. – Приехал! Куда вчера скрылся?

Николай Васильевич поздоровался со всеми и уселся за уставленный приборами стол.

– Завтракать не буду, – объявил он, – завтракал уже, вина выпью. Ну, что нового в газетах?

– Шум и вопли. Целыми столбцами так и жарят. Еще бы, тема-то какая! Жених номер шесть и с тем же, как у своих предшественников, результатом.

– Но вскрытие, – допытывался Твердое, – вскрытие-то что показало? Да погодите, господа, не все разом. Скажи ты, Петр Александрович, – обернулся он к ближайшему своему соседу. – Ты естественником был, лучше других можешь объяснить нам, что и как.

Петр Александрович Масленцев отпил из бокала, крякнул и с видом авторитета объявил:

– Вскрытие решительно ничего не показало. Будут произведены всевозможные анализы, согласно предписаниям судебной медицины, но, я полагаю, ничего открыто не будет. Есть яды, действующие моментально и не оставляющие после себя в организме никаких следов. Например, кураре...

– Ну, это ты уж оставь, естественник, – перебил его Твердое. – Кураре действует, попадая в кровь непосредственно, а внутрь его хоть ведрами лей – ничего не будет.

Масленцев смутился, но сейчас же оправился:

– А кто знает? Может быть, Евгения укололи. Только нет, тут преступления быть не может.

– Какое там преступление! – заговорили кругом. – Ведь если преступление, то кто же тогда из нас преступник? Чужих никого не было, все свои, все друг другу знакомые.

– Постойте, – остановил говоривших Твердов, – а кто это был такой среднего роста, полный, начисто бритый, еще глаза так во все стороны бегают? Заметили? Кажется, Дмитрий Константинович, – обратился к одному

из молодых людей Твердов, – он с тобой рядом сидел за столом. Кто это?

– Право, не знаю, – пожимая плечами, ответил Дмитриев, – никогда не видал. Господин очень приветливый, смешил, все шуточками да прибауточками разговаривал, анекдоты рассказывал. Только я его не знаю. Может быть, Филиппов знает.

– Нет его, придет – спросим... Только вряд ли он знает: он у Александра Александровича еще вчера спрашивал, кто это такой.

– Так вот, други милые, – заметил Николай Васильевич, – как же это вы говорите, что все свои были? Нашелся-таки среди своих чужой, да такой еще, которого никто из нас не знает.

– Так неужели он – убийца? – крикнул за всех Дмитриев.

– Ну вот, сейчас же и убийца, – совершенно спокойно ответил Твердов. – Ничего я такого не думаю. А сердце-то все-таки не на месте... Оттуда, из зала-то, я прямо, никуда не заезжая, домой поехал и всю ночь до рассвета продумал о вчерашнем печальном событии.

– Ну и что же? – спросил Александр Александрович, до сих пор не обращавшийся к

Твердову. – Что ты надумал?

– Да я пришел к тому же заключению, что и все. Преступление ли тут, убийство или что-нибудь иное, совершившееся при участии человеческой воли, – я не знаю, и знать не хочу. Это – не мое дело. Фемида с повязкой на глазах, но у нее есть кому глядеть за нее в оба. Так пусть она и глядит. Я же склонен думать, что тут действует судьба, рок – ну, все, что вам только угодно, кроме человека. Я так это, дорогие мои друзья, и принимаю. Довольны вы? Ну, давайте голосовать ваше удовольствие.

– Шутишь ты все, а шутки неуместны, – заговорил только что явившийся к компании высокий худощавый брюнет с тонкими „китайскими“ усами.

– А, это ты, Ваня! – протягивая ему руку, воскликнул Твердов. – Господа, слышали вы? Иван Иванович Филиппов, наш милейший друг, говорит, что я шучу, а между тем я серьезен.

– Да полно! Где твоя серьезность-то? – возразил Филиппов. – Ведь ты только подумай, в каком ужасном положении теперь Верочка.

– Что же ужасного в ее положении?

– Как что? Ведь после вчерашнего она на весь свой век должна остаться в старых девах или вдовушках. Замужем ей не бывать никогда.

– Это почему?

– Да кому же своя жизнь не дорога? Кто поручится, что жених номер семь не последует примеру шестерых своих предшественников? Налицо факты. Веру и так обегали, а теперь как от чумы от нее бегать будут.

– Экий трус народ пошел! – подтрунивал Твердов.

– Трус-то не трус, а согласись сам, что береженого Бог бережет. Примеры налицо, – вступился Александр Александрович.

– Так вы, господа, уверены, что Вера Петровна не найдет себе седьмого жениха?

– Не найдет, по крайней мере, из числа тех, кто знает историю шести предшествовавших женихов, – заметил осторожный Дмитрий Константинович. – Я, например, не польстился бы на такую невесту, хотя бы она была красавицей.

– И я, и я! – закричали остальные.

Николай Васильевич был очень доволен, что встретил такой единодушный протест со стороны своих приятелей, и громче всех крикнул:

– А я вам, черт возьми, говорю, что седьмой жених для Веры найдется, и даже из числа тех, кто знает ее печальную историю! Понимаете, седьмой жених!

– Нет, нет и нет! – раздались голоса.

– Я говорю: да!

– Пари! – выступил Иван Иванович, самый самостоятельный после Твердова среди собравшихся.

– Идет! – ответил тот. – На дюжину шампанского!

– Согласен. Господа, будьте свидетелями, что я и Твердов держим пари. Но в течение какого срока? – обратился Филиппов к Николаю Васильевичу.

– Назначай сам, – ответил тот, небрежно играя лежавшим перед ним на столе ножом.

– Хорошо. Итак, мы держим пари, что если в течение трех лет... нет, мало: в течение десяти лет, считая от сегодняшнего дня...

– Постой, – поддразнил его Твердов, – де-

сять лет мало, клади одиннадцать.

– Ты смеешься, но будь по-твоему, шампанское все равно мое, и мы через одиннадцать лет разопьем его вместе. Докончим же: я и Твердов держим пари между собою, и все вы – свидетели тому, что если до истечения одиннадцати лет, начиная с сегодняшнего дня, найдется какой бы то ни было мужчина – все равно, старый или молодой, но вполне осведомленный о судьбе шести людей, бывших женихами Веры Петровны, и изъявит желание предложить ей свою руку и сердце, – то я считаю себя проигравшим и ставлю двенадцать бутылок шампанского.

– Какой марки? – засмеялся Твердов.

– Ты шутишь, а я серьезно.

– Серьезно? Неужели? Быть не может! – представился испуганным Николай Васильевич.

– Вполне. Впрочем, выставив дюжину шампанского, нужно наказать тебя за легкомыслие. Ты можешь отказаться от нашего пари.

– Ан, погоди! – крикнул Твердов. – Господа, вы все были свидетелями нашего пари?

– Все, все! Ты, конечно, проиграл!

– Нет, вы жестоко ошибаетесь! Я говорю, что пари уже по прошествии пяти минут, а не только одиннадцати лет, выиграно мною, так как я заявляю о своем желании предложить Вере Петровне Гардиной руку и сердце и во что бы то ни стало добьюсь, чтобы в самом непродолжительном времени стать ее женихом. Сегодня же, сейчас же я зову всех, кто здесь есть, на предстоящую в ближайшем будущем свадьбу с этой современной дочерью Рагуила. Что, Ваня? Прикажи подать шампанского. Пари выиграно.

Все притихли, пока Николай Васильевич говорил, отчеканивая каждое слово. Молчание продолжалось и после того, как он кончил говорить и совершенно спокойно сел на свое место.

– Ты как же это, Твердов? – первым пришел в себя Иван Иванович. – Серьезно? Что же, жизнь, что ли, тебе надоела?

– Это уже совсем другое дело. Пока я страстно желаю только одного: чтобы ты приказал подать шампанское. Не ожидал, дружище?

– Откажись, Николай, – подошел к нему Дмитриев. – Смешно испытывать судьбу, ведь ты – не мальчик, чтобы, играя с огнем, забыть, что огонь жжется.

– Как раз сегодня слышал это мудрое изречение. Именно потому, что я – не мальчик, я и имею право играть с огнем как мне угодно.

– Нет, Коля, плюнь ты на это дело! Ну что тебе? Филиппов шутил сам... Разве возможно такое пари?

– Откажись, Николай! – заговорили все остальные. – Не стоит эта несчастная того, чтобы из-за нее рисковать жизнью!

– Ну, это дело вкуса, – холодно возразил Твердов. – Я ни за что не откажусь. Даже если бы Филиппов сейчас заявил, что берет им же предложенное пари назад, я все-таки стану женихом Веры Петровны. Да неужели же эта хорошенькая девочка не стоит того, чтобы ради нее пойти всякой судьбе наперекор? Судьба! Да я – господин своей судьбы, а не она властна надо мною.

Николай Васильевич улыбался. Он и не отдавал себе отчета, что в нем разгоралась жажда новых, неизведанных впечатлений. Пожа-

луй, и без участия Кобылкина этот смельчак, подзадоренный товарищами, кинул бы вызов жестокой судьбе. Кроме того, кто из людей равнодушно относится к восхищению, вызываемому своею особой? А тут Твердов уже теперь видел, что все эти его приятели, сами по себе люди заурядные, с ничтожными желаниями, мелкими порывами, смотрят на него как на героя, восхищаются им и немедленно разнесут весть о его безумном, как всем им казалось, поступке, так что на долгое время он станет героем. И внимание, и интерес к нему не ослабеют до тех пор, пока не закончится все это приключение.

– Видите ли, дорогие мои друзья, – заговорил он, – для меня ясно, что вы считаете эту мою выходку безумною.

– Да уж, дружески говоря, умного то в ней совсем мало, – заметил Иван Иванович.

– Может быть, Ваня, не спору, – с улыбкой продолжал Твердов, – а только вот что: болтаясь по свету, я искренне возненавидел то, что называется человеческим миром. Право, тишь, гладь да Божья благодать очень скучны. Жизнь без сучка, без задоринки ровно ни-

чего не стоит. То ли дело – буря, борьба! Вот когда человек живет полной жизнью! Бороться и во что бы то ни стало добиваться победы – это главное условие настоящей жизни. Благодаря родителям, я освобожден от необходимости бороться за существование, талантов у меня никаких нет, способности кое-какие, а силы много и дерзости тоже запас большой. Вот я и бросаю судьбе вызов. Делай, дескать, со мной, что только угодно, а я все-таки пойду на тебя. Погибну в борьбе – туда мне и дорога. Слабосильные все обречены на жалкое существование, а я предпочитаю ему смерть. Вот почему, продумав всю ночь над вчерашним печальным событием, сегодня я совершенно сознательно пришел к мысли, что должен бросить судьбе вызов. Не предложи мне Иван Иванович пари, я все равно объявил бы вам сегодня о своем решении. Только это вышло бы не так театрально, как сейчас, а результат был бы тот же. Итак, друзья мои милые, пусть несут нам искрометную влагу. Выпьем первый бокал за всякую борьбу, так как она – смысл жизни, второй – за мою личную борьбу с этой судьбой, преследующей всех

тех, кто приближается к миленькой и несчастной девочке, а третий – за мою победу! Ура, братцы!

– Ур-р-а!

Николай Васильевич был немного бледен, но улыбался и пожимал руки приятелям.

На панихиде

Когда Веру Петровну с ее злополучно окончившегося брачного вечера привезли под родительский кров, то и у Петра Матвеевича, и у Анны Михайловны была только одна мысль – как бы вместо одной жертвы этого дня не стало двух. Вера Петровна превратилась в какого-то живого автомата. Она не плакала, ничем не выражала своего горя и ужаса, но словно застыла в том именно положении, в каком застала ее неожиданная смерть Евгения Степановича. Она в эти часы была необыкновенно послушна, позволила раздеть себя даже без слова, но, когда хотели снять с нее венчальную фату, запротестовала:

– Нет, нет, этого нельзя! Ведь еще наш свадебный бал не кончился. Как же я сниму фату? Я еще хочу танцевать!

Так и не позволила она снять с себя венчального убора.

К Вере Петровне были приглашены лучшие доктора. Осмотрев ее, они заявили, что

пока еще нельзя ничего сказать. Потрясение было так сильно, что только будущее могло показать, какой оно может иметь исход.

Однако некоторые успокоительные средства все-таки подействовали. Вера Петровна погрузилась в такой глубокий сон, что не почувствовала, как с нее сняли фату и уложили в постель.

Мать и отец всю ночь просидели у постели дочери, с ужасом ожидая ее пробуждения. Они даже не вспоминали о том, что произошло на свадьбе. Тут перед ними лежало их единственное детище, родное, любимое, а тот, кто так трагически покончил счеты с жизнью, все-таки был им чужой, и как ни ужасна была его участь, но менее близка их сердцу, чем участь их дочери.

– Господи! – шептали дрожащие уста то одного, то другого старика. – Заступи, спаси, помилуй Верушу! Не дай погибнуть ей! Твоя Святая воля над нами, но Ты многомилостив! Ты – Бог! Ты видишь наши сердца, нашу тоску. Будь же к нам милостив... отдай нам дочь!

Это обращение к Творцу укрепляло их дух, вселяло в простые сердца надежду, поднима-

ло бодрость.

Забрезжило серенькое утро. Вдруг Петр Матвеевич встрепенулся и слегка толкнул жену, кивком головы показывая на дочь.

Вера Петровна открыла глаза и с удивлением посмотрела вокруг. Ее взор остановился сперва на матери, потом на отце. Затем она быстро поднялась и села на кровати.

Петр Матвеевич и Анна Михайловна, затаив дыхание, смотрели на дочь.

– Папочка, мамочка моя милая, родимая! – послышался стон. – Да за что же это нам все посылается? Выше сил испытание... За что? За что? Помню ведь я, помню все... О, какой ужас! – и судорожные рыдания огласили комнату.

Лица стариков засветились радостью.

„Спасена! – пронеслась в их головах мысль. – Плачет! Помнит все! Пришла в себя! Господи, слава Тебе!“

Старушка мать под села к дочери.

– Плачь, болезная, плачь! – залепетала она. – Слезы помогают горю, сердце облегчают. Плачь же! Я с тобой, я около тебя!

Петр Матвеевич взял руку дочери.

– Будь покорна, дочка, – заговорил он, едва сдерживая слезы. – Всемогущий промысел неисповедимыми путями ведет человека в его жизни. Никто не может знать, что должно совершиться впереди, никто не знает, зачем посылаются человеку беды и несчастья. Наша жизнь не в нашей воле.

– Но ведь ужас-то, ужас какой! – застонала Вера. Ведь из-за меня гибнет шестой человек! Я – их погубительница! Я виновата в их лютой смерти!

– Не думай так, Верушка, – робко сказала Анна Михайловна, – молись, и с молитвою все пройдет.

– Подумать не могу! – воскликнула Вера. – Только что мой Женя был жив, здоров, весел, радостен, и вдруг... О, о! Ведь помню же я все и никогда не забуду. Его последний взгляд... Какой ужас был в нем, словно он проклинал меня... Мамочка, папа! – вскочила Вера Петровна на ноги. – Скорее одеваться! Пойдемте, к нему пойдемте!... Где он, всеми оставленный, холодный, одинокий, лежит?! Пойду к нему и заплачу... Может быть, его душа услышит мое горе, и простит он меня, свою погу-

бительницу!...

Еле-еле удержали бедняжку. Она так и рвалась к праху покойного Евгения Степановича. Но в ее поступках все было осмысленно. Разум вернулся, Вера Петровна была спасена.

Петр Матвеевич послал за докторами, те явились и поздравили его со спасением дочери. Потрясение было ужасно, но здоровый организм превозмог недуг, и за Веру Петровну нечего было опасаться.

Но как она изменилась за это время! Румянец исчез с ее щек, лицо осунулось, нос заострился, глаза впали и потеряли свой молодой, веселый блеск. Осталась только тень прежней хорошенькой Верочки, на которую заглядывались молодые люди.

Так прошло утро. В десятом часу к Пастинным явился Юрьевский.

– Что с Верой? – спросил он у вышедшего к нему Петра Матвеевича, и в его голосе слышалось неподдельное беспокойство. – Узнал я сейчас, что беда у вас.

– Не говори, Иван Афанасьевич! – схватился Пастин руками за голову. – Такое дело, что ума не приложу. Ай, бедная, бедная!

– А все вы, – ответил Юрьевский, – замуж да замуж! На что Вере муж? Судьбу испытываете, пяти смертей мало вам было, еще шестая понадобилась. Ох, люди! Ясно ведь все. Ну, на что? На что?

– Не век же Верочке сидеть в старых девах? На что же мы ее растили, берегли, холили?...

– Чтобы первому встречному ее отдать, ради этого? Ну, что же? Отдавайте, ищите нового жениха!

– Какой уж тут жених! Все теперь от нас бегать будут, никого и калачом не заманишь.

– Так-то оно лучше... Конечно, жаль этого Гардина как человека, – сказал Юрьевский, – но я радуюсь за Веру.

– Чего радоваться-то? – с досадой возразил Петр Матвеевич. – Тоже нашел радость! Поди, притчей во языцех мы теперь на весь Питер стали. Только и разговора что о нас. Газеты-то, поди, на все лады расписывают.

– Из газет я обо всех ваших приключениях и узнал, – подчеркнуто произнес Юрьевский.

Теперь он был совсем другой, чем во время брачного пира. Никаких признаков ненормальности не было заметно ни в его разгово-

ре, ни в обращении. Даже взгляд его бесцветных глаз не был так дик и бессмыслен, как накануне.

– Уехал я от вас вчера, – продолжал он, – вот, я думаю, удивились-то все. А не мог я быть там. Предчувствие так вот и захватило меня. Смотрю я на сияющую физиономию этого Гардина, и мне как будто шепчет кто: „Снедь червей! Достояние могилы! Радуеться ты, а смерть за тобой!“ Я и уехал.

– Дивились там тебе, Иван Афанасьевич: ты что-то такое несуразное молол, – заметил Пастин.

– Не несуразное, как ты называешь, а для вас непонятное, – наставительно сказал Юрьевский. – Но не будем об этом. Слушай, Петр: неужели ты и теперь не внемлешь указаниям судьбы, и опять пойдут эти сватовство, жениханье, свадьба? Не довольно ли?

– Перестань, пожалуйста! – с сердцем воскликнул Пастин. – Тут на руках такое дело! Посмотрим еще, что будет. Теперь этого так не оставят. Следствие ведь идет, а там суд да дело.

– Ничем все кончится, – равнодушно заме-

тил Юрьевский. – Ведь ясно, что тут судьба, а не люди действуют. Что найдут? Ничего. Смерть, как сегодня я в газетах прочитал, последовала от неизвестных причин. Это подтверждено вскрытием трупа. Кого же винить будут? Тебя, меня, Сидора, Кузьму? Брось думать! Я пройду к Вере... да вот и она сама!

– Крестный, милый крестный! – и Вера Петровна кинулась к Юрьевскому. – Ай, зачем ты вчера говорил, зачем ты словно пророчил? Сбылись твои слова, и как скоро сбылись!

– Перестань, деточка, печалиться, перестань убиваться, – заговорил дрожащим голосом Юрьевский, нежно обнимая Веру. – Будь добра и мужественна. Помни, около тебя есть искренне любящий тебя человек. Про себя говорю. Никакие Гардины так тебя любить не будут, как я тебя люблю. Горюешь ты теперь, плачешь, убиваешься, а все по пустякам. Ну, умер этот Гардин, стало быть, так суждено, Бог с ним. Забудь о нем, забудь обо всем мире. Помни, что вчера я говорил: у меня есть свое собственное царство, великое царство; я – его повелитель, и ты – его царица. Что же, что не от мира сего мое царство, но оно беспреко-

словно покорно мне, ты уйти из него хотела, моя царица, желая оставить свой престол, и вот опять ты на нем. Не уходи же, останься! Скажи, чего ты хочешь? Повелевай, приказывай – все у тебя будет, все явится...

– Ну, опять ты поехал! – безнадежно махнул рукой Петр Матвеевич. – Опять про какое-то царство... И так Верочка не в себе, а он тут со своим дурацким бредом... До него ли теперь всем нам!

Но остановить Юрьевского Пастин побоялся. Это сделала сама Вера Петровна.

– погоди, крестный, погоди, – сказала она. – После об этом, после... Теперь... Папочка, когда панихида?

– В час, – ответил Петр Матвеевич, довольный тем, что Вера не захотела слушать бред богача крестного. – Раньше невозможно.

– Так мы поедем туда... Непременно поедем.

– Вера! – остановил ее опомнившийся Юрьевский. – Труп ничего не нужно...

– Нет! – воскликнула Вера Петровна. – Нет, Женя для меня еще не мертвый! Я вижу его, чувствую около себя, вот тут, близко. Тело его

умерло, но душа жива. Я хочу к нему, я поеду. Похоронят его – не знаю, что будет, а теперь я хочу быть с ним, хочу молиться за него, плакать над ним. Я поеду, и никто не остановит меня.

– Да Бог с тобою, дочка! – воскликнул Петр Матвеевич. – Никто тебя и не останавливает... Какая бы ты там ни была, а все-таки ты – жена покойному.

– Не смей так говорить, безумец! – прервал его дикий крик Юрьевского. – Какая она жена этому несчастному? Никогда она его женой не была! Слышишь, никогда!

Иван Афанасьевич был ужасен. Лицо его искажилось от гнева, потемнело, губы дрожали, он пригнулся, словно кошка или тигр, готовящийся к прыжку.

Пастин и Вера с изумлением смотрели на него.

– Какая она жена! – чуть не кричал Юрьевский. – Он – труп, добыча червей, а она – царица в моем царстве. Кто, кроме верного раба, смеет приблизиться к царице, бросить на нее свой оскверняющий взор? Никто! Гибель ждет дерзкого. Это говорю я... Ах, что это я? О

чем? – вдруг моментально пришел в себя Иван Афанасьевич. – Вера, Вера моя! Прости старика! Знаю – ты горюешь, несчастна, но только теперь... Твое горе пройдет, а я один, всегда один... пожалей же меня, любимая, счастье мое, радость, мечта моя...

– Да что ты, крестный! – подошла к нему не на шутку перепуганная Вера Петровна, Полно, успокойся, милый! Нездоров ты. Все мы тебя жалеем, любим. Ты – добрый, хороший, странный немного, только и всего.

– Любите все, сожалеете? Да? – воскликнул Юрьевский. – А ты... ты-то меня любишь?

– Люблю, крестный, очень люблю, – просто ответила Вера Петровна. – Как мне тебя не любить? Но прости, крестный, успокойся! Мне и так тяжело, не огорчай меня... Прости! Ты на панихиду приедешь? Приезжай! Слышишь, крестный, я так хочу.

Лицо Ивана Афанасьевича снова исказилось.

– Хорошо, приеду, – глухо ответил он. – А ты, кум, прости меня: явился я, наговорил вам несуразного, как ты называешь... Прости, сам знаю, что не время для таких разговоров.

Петр Матвеевич уже давно привык к подобным резким переходам Юрьевского от того, что ему казалось сумасшедшим бредом, к вполне разумному выражению мысли, и поэтому равнодушно ответил:

– Чего там! От слова ничего не делается. Пугаешь только иной раз ты. Ну да мы привыкли к тебе... Знаем тебя, слава Богу, столько лет!

– И спасибо тебе! Спасибо и тебе, Вера! Поцелуй старика и иди: знаю, нужно так. Не для тебя, для людей нужно, чтобы худого не говорили.

Он уехал.

Посещение крестного принесло Вере Петровне некоторую пользу. Оно отвлекло от обуревавших ее мрачных мыслей. На душе у нее было по-прежнему тяжело, но все-таки она сознавала необходимость примириться со случившимся и на панихиду в больничную часовню, где лежало тело Евгения Степановича, отправилась спокойная, по крайней мере, с виду.

Мрачная, высокая, со сводами комната едва могла вместить всех собравшихся на пани-

хиду. Те, кто был вчера на свадьбе Гардина, сошлись теперь помолиться за упокой его души. Великая тайна смерти сравняла всех, и у гроба Евгения Степановича стояли люди, искренне жалевшие его, хотя к этому чувству примешивалась немалая доля любопытства, вызванного внезапной кончиной.

Евгений Степанович, в погребальном уборе, лежал в гробу, поставленном у стенного образа, на невысоком катафалке. На его застывшем лице не отражалось никаких следов мук. Смерть застала его внезапно и, казалось, в последние мгновения вызвала в умирающем более недоумения, чем ужаса.

Увидав гроб, Вера Петровна, приехавшая с родителями, с рыданиями кинулась к нему, охватила голову покойника и осыпала ее поцелуями.

– Женя, мой Женя, страдалец невинный! – слышался ее лепет. – За что? За что? Тебя ли я вижу?... Ты ли это, ненаглядный мой?

Насилу ее отвели от гроба. Тишина все время стояла полная. Все разделяли горе молодой вдовы, ужас ее положения.

– Крепка, однако, – перешептывались все-

таки в далеких уголках часовни.

– Н-да... Плачет только.

– Слезами, значит, вся скорбь выходит. Оно лучше. Что же поделать? Обмороками не воскресишь. Смерть подходит, ждать никого не будет. А все-таки жалко молодую. В такой час преставился!

– Да... Жить бы да радоваться, а тут вот.

Перед началом панихиды, когда священник готовился произнести обычные вступительные слова, в часовне вдруг раздался крик.

„Что? Как?“ – только и разобрали слышавшие.

Все с удивлением обернулись в ту сторону, откуда раздалась эти слова.

Юрьевский сдержал свое слово и приехал на панихиду. Он пробрался в самый отдаленный угол часовни и стоял там, опустив голову, ни на кого не глядя, да, пожалуй, и не видя ничего из того, что происходило кругом.

Около него вдруг очутился Мефодий Кириллович Кобылкин, пробившийся через толпу и сумевший занять местечко бок о бок с мрачным богачом. Сперва он только осматри-

вался, потом вдруг обратился к Ивану Афанасьевичу со словами:

– Вот она, эта самая нирвана, о которой вы вчера говорить изволили.

Тот очнулся от своих дум, искоса взглянул на соседа и ничего не ответил.

Кобылкин нисколько не смутился.

– Именно, доложу я вам, самая настоящая нирвана, – продолжал он, видимо всеми силами стараясь завязать разговор. – Небытие! Блаженное состояние! Жил человек, волновался, жаждал, боролся, а теперь ручки сложены и лежит себе покойно, ничего знать не хочет. Правы вы были вчера, десять тысяч раз правы были. Я, слушая вас вчера, так и думал: „Глубокий философ этот господин! Тонко в самую суть нашего жизненного бытия проникнуть изволил“. А верно, нирвана-то эта самая – хорошая штука! Человеки ею не брезгают, а так в нее и прут. Вот один только-только в нее забрался с руками, с ногами, а на его место уже другой целится.

Юрьевский при этих словах встрепенулся.

– Вы кто такой? – глухо спросил он.

– А я, извольте ли видеть, покойничка род-

ственник дальний буду. Вот привелось-то! Вчера – на свадьбе, сегодня – на панихиде. Ничего не поделаешь. Одно говорю: человек я простой, а про нирвану все-таки понимаю. Ведь эта Пастина дочка – несчастная для женихов невеста: шестеро из-за нее отправились в эту нирвану, а вот теперь седьмой находитя.

– Что? Как? Кто такой? – крикнул Юрьевский, объятый порывом яростного гнева.

Этот крик и нарушил тишину.

Все бывшие в часовне с недоумением смотрели на Юрьевского, не понимая, в чем дело, что с ним. Вера Петровна тоже услышала этот крик и взглянула в ту сторону.

„Крестный? – промелькнула у нее мысль. – Что с ним?“

Но беспорядок, вызванный Юрьевским, продолжался только мгновение. Ивана Афанасьевича все знали, все были уверены, что он ненормальный, и даже не удивились его выходке.

„Бредит опять! Заучился барин!“ – подумали почти все присутствующие и успокоились, тем более что и Юрьевский, опомнившись,

успокоился почти так же быстро, как вспыхнул, казалось, беспричинным гневом.

Кобылкин словно только и ждал этой вспышки. Он засуетился около Юрьевского, заглядывая ему в лицо.

– Что с вами, почтеннейший? – бросал он слова. – Чего испугались? Действительно, такая обстановка на какие угодно нервы подействует. Гроб, жертва... ну, положим, судьбы, рыдающая вдова, удрученные старики, пение... это, как хотите, кого угодно расшевелит. А тут – еще один в гробу покоится, а рядом другой в такой же гроб смотрит. Расстроишься, доложу вам, совсем расстроишься!

– Кто? – отрывисто спросил Юрьевский.

– Вы про кого изволите спрашивать?

– О ком вы говорили как о женихе Веры?

– А, вот вы про кого!... Так вот видите, там, у стены, молодой такой, красивый. Твердов по фамилии... Шафером вчера у покойничка был. Так вот он. „Я, – говорит, – уже давно пылаю страстью к Вере Петровне, не хотел только у приятеля отбивать. А теперь, так как она вполне свободна, немедленно свои руку и сердце предложу, а на судьбу мне наплевать“.

Но что с вами, почтеннейший?

Словно какая-то сила сдвинула Юрьевского с того места, где он стоял. Не обращая внимания на окружающих, он вдруг пошел по направлению к Твердову. Перед ним расступались – так ужасен был его вид; казалось, что идет не живой человек, а призрак, выходец из преисподней. Лицо Юрьевского было бледно, без кровинки, рот полуоткрыт, губы искривлены отвратительной улыбкой, взгляд был бессмысленно-дик.

Твердов, заметивший Юрьевского и почувствовавший на себе его взгляд, невольно задрожал. Его сердце тревожно забилося; он понял, что этот человек идет к нему.

В двух шагах от Николая Васильевича Юрьевский остановился, как бы в изумлении огляделся кругом, взглянул зачем-то на потолок, потом на гроб с телом Гардина, вздрогнул, еще раз устремил взгляд на Твердова и затем повернул к выходу. Через мгновение его уже не было в часовне.

– Опомнися! – пронесся тихий шепот.

Все, бывшие свидетелями этой непонятной сцены, вздохнули с облегчением. Пре-

рванная панихида продолжалась.

VI

Седьмой жених

Прошло две недели после описанных выше событий. Несчастливого Гардина похоронили, и все стало входить в обычную колею. Так уже устроено человечество. Ужас – только тогда и ужас, когда он перед глазами, когда же исчезает его непосредственное впечатление, то мало-помалу испаряется даже и память о нем. Так было и в этом случае. Не то чтобы была забыта трагическая кончина несчастного Евгения Степановича, нет, никто в семье Пастиных без слез не мог вспомнить о нем, но не так остра была горечь утраты. Вера Петровна примирилась со своей участью. Она носила траур по покойному супругу, называла себя не иначе как Гардиной, но все-таки молодость брала свое. Она теперь и плакать стала реже, а иногда, как луч солнца после грозовой тучи, на ее лице появлялась улыбка.

Да и в самом деле несчастный Евгений Степанович не мог быть так близок, чтобы память о нем была для нее святыней. Ведь

как бы страстно и пылко ни любили друг друга мужчина и женщина, прочная связь, неразрывные цепи Гименея сковывают их не в момент брачного обряда, а долгое время спустя. Иногда нужны целые годы, чтобы супруги перестали быть чужими друг другу, сжились, свыклись и стали действительно одним существом в двух, казалось бы, независимых одна от другой особах. До того же времени хотя и царят между ними с виду незыблемые и мир, и любовь, и блаженство, на самом деле они еще чужды друг другу: нет ни общих интересов, ни привычек, ни вкусов.

Вера Петровна любила, или – вернее – думала, была убеждена, что любит Евгения Степановича, и это чувство жило в ее душе, пока любимый человек был рядом, перед ее глазами. Но недаром говорят: „С глаз долой, из сердца вон“. Да были и другие обстоятельства, содействовавшие этому.

„Спящий в гробе мирно спи, жизнью пользуйся живущий!“ А как же не пользоваться жизнью молодому, только начинающему жить существу? Ведь в годы юности жизнь так хороша, так отрадна, так привлекательна.

Много она сулит неведомого, светлого счастья, дивных радостей, и вряд ли у кого хватило бы духа отказаться от них.

А Вера Петровна была молода. Жизнь улыбалась ей и манила в свою привлекательную даль. Жажда личного счастья захватила ее. Вере хотелось жить, любить и быть любимой.

Все печальные случаи ее короткого прошлого только распаляли в ней жажду счастья и любви и не вызывали ропота на свою судьбу лишь потому, что Вера Петровна, по своей молодости, не умела разобраться ни в своих чувствах, ни в ощущениях.

Когда она в девятый день была на могиле Евгения Степановича, к ней подошел Твердов. Николая Васильевича она знала мало, больше понаслышке, но все-таки заметила его еще тогда, когда была невестой Гардина, и тогда уже невольно сравнивала со своим нареченным. Евгений Степанович был добрый, простой, наивный, как дитя, но вместе с тем мало развит, почти необразован. Твердов совершенно напротив. Был ли он добр, Вера Петровна не знала, но его нравственное превосходство сразу бросалось в глаза. Твердов

отличался хорошими манерами и разносторонним образованием. Путешествия и пребывание за границей расширили его кругозор. Поэтому он невольно обращал на себя внимание в обществе, к которому принадлежали и Пастины с дочерью и покойный Гардин.

А тут Вера Петровна узнала о пари, заключенном Твердовым и Филипповым. Весть об этом разнеслась быстро. Когда хоронили Гардина, то среди провожавших его только и было разговора что о выходке Николая Васильевича. Весть о пари, переходя из уст в уста, дошла и до Веры Петровны. Та сначала обиделась. И так она, и ее судьба возбуждали толки, а тут еще это пари надолго делало ее притчей во языцех. Но обида скоро прошла. Молодой вдовушке показалось даже лестным, что находятся люди, которые ради нее не жалеют жизни, идут наперекор судьбе, смело бросая ей вызов.

Смелость всегда действует на женщин обаятельно, если же при этом смельчак молод и недурен собой, то, какое женское сердце не забьется при мысли о нем сильнее. Так и рассердившаяся, было, на Твердова Вера Петров-

на очень скоро сменила гнев на милость. Она стала охотно прислушиваться к доходившим до нее рассказам о пари, сама издали начала расспрашивать о нем и его жизни и всегда краснела, когда подмечали ее появившийся к этому человеку интерес.

Твердов действовал тонко и умело. Ему нужно было создать в глазах молодой вдовушки ореол героя, рыцаря, вступившего из-за красавицы в борьбу с драконом, и он выжидал, когда слух о его пари дойдет до Веры Петровны, заинтересует ее и заставит мечтать о неожиданно появившемся „рыцаре“.

Все это время он только один раз был у Пастиных – на другой день после панихиды, и то лишь с официальным визитом. В качестве шафера несчастного Евгения Степановича он явился к его молодой вдове, высказал ей глубокое соболезнование, при этом говорил так душевно-ласково, что Вера Петровна, тогда еще ничего не знавшая о пари, была искренне тронута.

После этого визита Твердов не показывался на глаза молодой вдовушке и даже на поминальном обеде после погребения Гардина

сумел так стусеваться, что Вера Петровна не увидела его, хотя и отыскивала глазами среди собравшихся.

Николай Васильевич был прекрасно осведомлен обо всем, что происходило в семье Пастиных. У Савчука оказался там большой „благотриятель“ и даже „кум“. Еще до несчастья с Гардиным, как рассказывал Николаю Васильевичу Савчук, к Пастиным поступил на место кучера, дворника, слуги – словом, на работу неопределенную, его земляк, Александр Пискарь. Он так поставил себя по отношению к Петру Матвеевичу и Анне Михайловне, что пользовался полным их доверием и был в качестве своего человека посвящен чуть ли не во все семейные дела.

Пискарь всеми своими новостями делился с Савчуком, а тот не замедливал передавать своему барину. Это значительно облегчало Николаю Васильевичу выполнение намеченного им плана. Зная о том, что происходит в семье Пастиных, что говорят там, как относится к нему Вера Петровна, Твердов мог действовать так, как находил для себя более удобным и скорее приближающим его к це-

ли.

Действовал же он, по-видимому, совершенно самостоятельно. По крайней мере, Кобылкин все это время даже на глаза ему не показывался, и в последний раз Николай Васильевич видел его на панихиде в больничной часовне.

На девятый день после кончины Евгения Степановича Твердов поехал на кладбище с решительным намерением начать действовать. Ему хотелось поскорее покончить со всем этим делом, в которое он так неожиданно впутался, и уехать куда-нибудь подальше, но бросить все, не доведя до конца, он теперь ни за что не решился бы. Помимо того, что ему самому хотелось узнать истинные причины всех «случайностей», происшедших с женами Веры Петровны, что игра со смертью казалась ему привлекательной, он видел, что приятели уже начали подтрунивать над ним, замечая, что он ничего не предпринимает для выполнения своего пари.

– Сболтнул ты, Николя! – добродушно хлопывая его по плечу, говорил Филиппов. – Ну, да ничего! Я очень рад, что ты одумался...

Нам всем было бы прискорбно знать, что мы – виновники твоего несчастья.

Твердов отмалчивался, но эти добродушные замечания действовали на него как шпоры на кавалерийского коня. Только из-за них одних он ни за что на свете не отказался бы от своего фиктивного – Твердов был уверен, что оно именно таким и будет – сватовства к дочери Рагуила.

После панихиды на кладбище он подошел к Вере Петровне и заговорил с нею, делая вид, что не замечает ее смущения. Разговор начался с самых обыденных вещей и с виду не имел никакого значения, но в нем было уже то знаменательно, что имя Евгения Степановича ни разу не упомянулось молодыми людьми.

Ближе к делу помог перейти старик Пастин.

– Что не видать-то тебя, спорщик заграничный? – сказал он Николаю Васильевичу, когда после панихиды они шли к кладбищенским воротам.

Петр Матвеевич дружил еще с покойным отцом Твердова, самого Николая Васильевича

видел в колыбели и относился к нему не как ко взрослому молодому человеку, а как только встающему на ноги подростку.

Твердов привык к такому обращению старика и любил, когда тот заговаривал именно таким тоном.

– Какой, Петр Матвеевич, спорщик? – улыбаясь, спросил он и взглянул на Веру Петровну.

Та густо покраснела и потупилась.

– Да уж слышал я какой! – по-прежнему добродушно ответил старик. – Слухом-то земля полнится. Ишь ведь какой Бова-королевич выискался!

– Полноте, какой там Бова-королевич!

– Ну-ну! Вот, видишь ты, хотел, было, я тебя звать к себе, а теперь не позову, из-за этого самого заклада вашего не позову... Какое дело выдумал!

– Какое же, Петр Матвеевич?

– А разве хорошо честную мужнюю вдову так порочить? Смеются ведь. Позови я тебя – сейчас толк пойдет – вишь, накинудась... Нет, ты там как хочешь, сердись не сердись, а звать тебя я не буду!

– И не зовите, Петр Матвеевич, сам приеду.

– А возьму да не приму, велю сказать: „Дома нет“.

– А я все-таки приду. Вас дома нет – Анна Михайловна дома, Анны Михайловны нет – Вера Петровна... Так, Вера Петровна? Вы не скажете, что вас дома нет, если я приду?

– Если меня и в самом деле не будет... – заикнулась та.

– Нет, нет! Если вас дома не будет, конечно, что же и говорить? А вот если вы дома будете?

Говоря так, Николай Васильевич смеющимися глазами взглянул на молоденькую вдовушку.

Та опять покраснела, смутилась больше прежнего и пробормотала:

– Дома – милости просим.

– Ну, вот видите, Петр Матвеевич! – весело воскликнул Твердов. – Вера-то Петровна добрее вас. Смотрите же, Вера Петровна, я скоро приеду, да не с визитом, а запросто...

За этими разговорами они не заметили, как вышли за ворота кладбища, где Пастинных ждал экипаж.

Тут они распрощались. Петр Матвеевич с дочерью уехал домой, Твердов же сел на первого попавшегося извозчика и отправился в ресторан завтракать.

„А девочка-то в самом деле миленькая, – размышлял он. – Как к ней этот румянец идет! Вспыхнет, словно заря на небе... пожалуй, и хорошо я делаю, выступая в роли Товия при этой дочери Рагуила... Только что-то будет из всего этого?... Нужно скорее и смелее идти к цели. Ха-ха-ха! – рассмеялся он про себя. – Седьмым женихом выступаю... Седьмым! Что-то суждено? „Со святыми упокой“ или Ис-айево ликование? Та-та-та... Первое-то еще возможно, а от второго – унеси ты мое горе за гороховое поле... А девочка все-таки миленькая!“

Он на минуту зажмурил глаза, стараясь вызвать в своем воображении образ Веры Петровны, и даже улыбнулся, когда воображение нарисовало ему ее, смущенную, потупившуюся, раскрасневшуюся.

– Да, скорее, скорее разделаться со всем этим, – прошептал Николай Васильевич, открывая глаза, – а то и в самом деле как бы не

быть бычку на веревочке...

Домой он вернулся под сумерки.

Савчук встретил его с загадочной улыбкой.

– Чего ты, Василий? – спросил Твердов.

– Так, ничего, Николай Васильевич, – было ответом, – кум был... Пискарь... так рассказывал...

– Что рассказывал?

– Жениться задумали вы как будто, Николай Васильевич, и вскружили же вы всем голову этим своим пари с господином Филипповым! Пискарь сегодня с кладбища, где и вы быть изволили, Петра Матвеевича вез с дочкой, так они промеж себя разговор имели и вас, как бы жениха, вспоминали... Кум-то слышал и рассказывал...

„Знаю я, какой он тебе кум“, – подумал Твердов и сказал:

– Ну, что же они такое говорили?

– Да многое. Сперва Петр Матвеевич как будто сердиться изволили на вас, что ославили вы, дескать, честную вдову, а Вера Петровна все вас защищала. Потом Петр Матвеевич и говорит, что ежели вы с честными намерениями, так он не прочь будет отдать за вас

дочку. А сама Вера Петровна все отнекивалась. „Не пойду, – говорит, – потому что смертное несчастье всем женихам принесла, а этот – вы, стало быть, – такой добрый, хороший, милый, что не могу его под такую неприятность, как конец земной жизни, подводить“. Тут Петр Матвеевич и говорит: „Да, может быть, на сей раз все хорошо будет“, – а Вера Петровна ему в ответ: „Шестеро померли, и седьмому, видимо, злосчастной участи не миновать“. А Петр Матвеевич долго-долго все говорил про вас: „Не прочь, дескать, я его своим зятем взять“. Господин вы хороший, ласковый и не без капитала. Вера Петровна ни в чем батюшке не перечила и даже поддакивала ему. Так, говоря только про вас одного, до самого дома доехали. Тут Петр Матвеевич говорит: „Посмотрим, может быть, ничего и не выйдет еще. Набрехал парень с пьяных глаз, – это про вас он так-с, простите за выражение, – а теперь очухался, и в кусты. А если Твердов приедет и твоей руки, Верочка, просить будет, так с моей стороны отказа ему не будет, ты же в таком твоём деле как там сама желаешь“.

– А Вера Петровна что?

– А та – известно, дело девичье, то есть что я, тьфу, вдове, – раскраснелась, что маков цвет и отвечает: „Я, батюшка, из вашей воли не выходила никогда и не выйду“.

– Ха-ха-ха! – искренне рассмеялся Твердов. – Седьмой жених!... Не думал, не гадал – женихом стал! А ты что, Василий, думаешь про все это?

– Что же, Николай Васильевич, дело доброе. Женитесь, с Богом. Женитьба каждому человеку предопределена.

– А шесть-то женихов, что на тот свет отравились?

– Что же из того, Николай Васильевич? Извольте знать пословицу: „Суженого и конем не объедешь“? Так почему вы знать можете, может быть, вы и есть суженый Веры Петровны? Может быть, судьба ее вам приберегала, а другие совались, куда им не следовало.

– Ого, Савчук, да ты – фаталист! – смеясь, воскликнул Николай Васильевич.

– Есть малость, – ответил тот и тоже чему-то засмеялся.

„Что же, ввязался в такое дело, надо кон-

чать его так или иначе, – подумал Твердое. – Жалко будет разочаровывать девочку. Ведь придется же в конце концов сказать ей, что все это сватовство было затеяно только для того, чтобы освободить ее от таинственного «изгнанника Неба и земли», как говорит почтеннейший русский Лекок; но если это удастся, так пусть она этим довольствуется, а я ей в остальном не слуга. Роль Товия еще туда-сюда, но только не с последствиями. Мне моя свобода дороже“.

Николай Васильевич думал так, а какой-то таинственный голос шептал ему:

„А девочка-то недурна! Как бы не быть бычку на веревочке!“

Савчук между тем совершенно верно передал Николаю Васильевичу суть разговора, происходившего между Петром Матвеевичем и Верой Петровной по дороге домой. Пастин все-таки не отказывался от мысли видеть дочь замужем. В глубине своей простой души он тоже был уверен в том, что суженого конем не объедешь, и тоже думал, что судьба берегает его дочь именно для какого-то, пока еще неизвестного, суженого. Явится он – и

судьба прекратит всякие гонения. Да и то сказать, старик видел, что удары судьбы падают не на его любимицу, а на других людей. Мало того, несколько раз он ловил себя на мысли, которую считал для себя недостойной. Из всех женихов Веры Петровны наиболее симпатичным для Петра Матвеевича был третий – Середин. О двух первых он вовсе не думал. Антонов был груб, дерзок, корыстолюбив, и Вера Петровна вряд ли была бы с ним счастлива. Предшественник Гардина был заносчив, смотрел на Пастиных как на людей, которым он делает величайшее одолжение своим сватовством, а это оскорбляло гордость старика. Кроме того, для него было ясно, что этот жених так же, как и Антонов, метил лишь на приданое, Вера же Петровна отходила на последний план. Наконец, Евгений Степанович казался Пастину слишком уж мямлей, как называл его старик. В супружестве с такими людьми женщины тоже имеют мало шансов быть счастливыми. И вот все эти так или иначе нежелательные претенденты на руку Веры Петровны были устранены самой судьбой. Явился Твердов. Помимо того, что

Петр Матвеевич знал его с детства, у него не могло быть никаких побуждений, подобных тем, какие были у его предшественников. По рождению он был ровнею Пастиным, по капиталу – значительно богаче их. Одно не нравилось Петру Матвеевичу: слишком уж оригинальная причина вызвала в Твердове намерение посвататься к Вере Петровне – пари. Как-никак Петр Матвеевич был человеком старого склада и легкого отношения к такому великому делу, как брак, не признавал. Но и с пари он примирился.

Пастин почему-то был уверен, что предложение со стороны Николая Васильевича последует непременно, и стало быть, необходимо будет дать тот или иной ответ. В решительном ответе со своей стороны Петр Матвеевич не считал себя вольным. Вера была единственной наследницей своего крестного отца, и каждый раз, как только возбуждался вопрос о ее замужестве, Петр Матвеевич отправлялся к Юрьевскому и спрашивал его совета.

Иван Афанасьевич всегда был против замужества крестницы. Это удивляло Пастина,

он допытывался о причинах этого сопротивления, но Юрьевский в ответ начинал нести такую околесицу, что Петр Матвеевич не мог найти в ней ни капли здравого смысла.

Впрочем, Юрьевский только раз высказался категорически против. Это было еще с первым женихом.

– Да помилуй, Иван Афанасьевич! – протестовал против упорства Юрьевского Пастин. – Не в солку же мне, в самом деле, девку отдавать? Затем и растил, и холил, и лелеял, чтобы вышла Вера замуж, своим домком обзавелась, а мне со старухой на старости лет внучат принесла... В монастырь ее, что ли?

– Пусть идет в монастырь! – упорствовал Юрьевский.

– А зачем? Да и сама она не пойдет... Девушке жить хочется, а ты – в монастырь! Там и без нее есть, кому спастись да грехи отмаживать.

– Пусть при тебе живет.

– В девичестве?

– Да.

– Нет, ты это оставь! Хуже во сто раз будет. Да разве за теперешним народом углядишь?

Уж и не знаю я, кто за такой товар, как дочь, поручится: живо испортится, и только позор на семью падет. Да и то сказать: разве теперь прежние времена? Теперь родителей дети в грош не ставят. Запрети-ка ты ей, поди! Что же, думаешь, не сбежит? С первым встречным сбежит. Так уже лучше как следует, с родительского благословения, честные венцы принять, чем по-нынешнему путаться. Как ты там хочешь, Иван Афанасьевич, в своих капиталах ты волен, лишай крестницу наследства или не лишай, а я Веру все-таки замуж отдам, потому что иначе сбежит.

Юрьевский молчал. Ни слова не добился от него Петр Матвеевич. Так без его согласия и была объявлена Вера Петровна невестой. Он даже и на сговоре не был, а до свадьбы так же, как и в четырех последующих случаях, не дошло. Впрочем, интересы Веры Петровны не пострадали – Юрьевский составил завещание в ее пользу, а сам стал еще мрачнее и угрюмее, чем до первого сватанья крестницы.

Каждый раз, как только являлся жених, Пастин отправлялся к куму и просил его согласия, но каждый раз все кончалось одним и

тем же. Юрьевский ни слова не говорил ему, так что поездки Петра Матвеевича приняли формальный характер и походили скорее на извещение о предстоящей свадьбе.

И в этот раз Петр Матвеевич ничего не добился от Юрьевского. Тот выслушал его, не сказал ни слова, а затем дал понять, что желает остаться один.

Старик вернулся домой ни с чем, впрочем, он в этом не сомневался, да и само дело было не слажено, даже, собственно говоря, еще и не начиналось.

Зато Николаю Васильевичу вскоре после посещения Пастиным кума был нанесен визит, которого он и ожидать не мог. К нему явился не кто иной, как сам Иван Афанасьевич Юрьевский.

Николай Васильевич был дома и даже еще, лежал в постели, когда к нему в спальню вошел Савчук и каким-то особенным тоном доложил:

– Вас спрашивает крестный отец вашей нареченной.

– Какой нареченной? – не понял Твердов.

– Виноват, простите... Вас спрашивает гос-

подин Юрьевский, крестный отец Веры Петровны.

Твердое вздрогнул – этого визита он и ожидать не мог, потому что с Юрьевским даже знаком не был.

– Я его совершенно не знаю, – сказал он. – Что ему нужно от меня?

В душе Твердова еще не изгладилось то неприятное впечатление, которое произвел на него Юрьевский на свадьбе несчастного Гардина. Это впечатление еще более усилилось дикою выходкой Ивана Афанасьевича во время панихиды. Твердов был уверен, что Юрьевский шел прямо на него и свернул к выходу, только опомнившись и сообразив, что в присутствии людей вряд ли уместны подобные выходки.

– Скажи, Василий, что меня нет дома, – произнес он.

– Примите, Николай Васильевич, – проговорил Савчук.

Твердов взглянул на камердинера, тот смотрел на него, словно желал внушить ему, что не принять Юрьевского нельзя.

– Разве это необходимо? – спросил Твердов,

забыв, что перед ним стоит слуга.

– Очень, – тихо ответил Савчук.

– Тогда проси. А я оденусь и выйду.

Теперь Твердовым овладело любопытство. Что мог значить столь ранний визит этого страшного и, как казалось, ненормального человека? Вместе с тем он догадывался, что и Юрьевский неспроста явился, и Савчук неспроста не только просил, а в силу известных отношений требовал, чтобы ранний гость был принят.

Наскоро одевшись, Николай Васильевич вышел в гостиную.

Юрьевский тяжело поднялся при его появлении и назвал себя.

– Мы уже отчасти знакомы: ведь я был шафером Гардина на его свадьбе, – ответил, также назвав себя, Твердов. – Прошу садиться. Чем могу служить?

– Я пришел к вам по весьма щекотливому делу, – начал Юрьевский, – по поводу моей крестницы.

– По поводу Веры Петровны?

– Да... Надеюсь, что нас не подслушивают?

– Не думаю... Мы одни... В чем же дело?

Мне кажется, что я к Вере Петровне никакого отношения пока не имею, и, признаюсь, ваши слова для меня странны.

– Да, да, действительно странны... Все, я знаю это, считают меня сумасшедшим, все только и видят мои странности... только странности, только безумие, и больше ничего...

– Позвольте, Иван Афанасьевич, вы сказали, что желаете говорить по поводу Веры Петровны? Так и будем говорить на эту тему... Я, право, не знаю, что говорят о вас, да мне до этого вовсе нет дела... Я слушаю.

Юрьевский несколько мгновений молчал.

– Вы в самом деле хотите жениться на моей крестнице? – он поднял голову и в упор посмотрел на Твердова.

– Я никого не посвящал в свои намерения.

– Однако я знаю из вполне достоверного источника, что такие ваши намерения существуют.

– Может быть.

– И вы намерены осуществить их?

– Это – мое, одного меня касающееся дело.

– Не спорю, но обращаюсь к вам, как к

несомненно разумному человеку: откажитесь от этой мысли.

– Почему?

– Мне жалко вас, – сказал Юрьевский, замывшись.

– Очень вам благодарен, но...

– Я знаю, что вы хотите сказать: что вы ни в чьей жалости не нуждаетесь. Так ведь? Но это – другой вопрос. И я уверен в том же. Только все-таки мне жалко вас.

– Но чем же вызвана эта жалость?

– Как чем? Вы так молоды, жизнерадостны, у вас впереди целая жизнь, и вдруг вместо этого саван, гроб, могила... Разве это не ужасно? Разве это не страшит вас?

– Но позвольте, мне кажется, вы, господин Юрьевский, противоречите сами себе, говорите совершенно иное, чем думаете. Ну разве не вы незадолго до смерти Жени Гардина уверяли его во всех прелестях небытия, нирваны?

– Как! Вы слышали? – вскрикнул Юрьевский.

– Нет, не слыхал, но покойный Евгений говорил мне. Он передал мне свой разговор с вами за тем столиком, в отдалении, где вы

пили с ним шампанское. К сожалению, Евгений не понимал, что значит слово „нирвана“, иначе он не был бы так спокоен после этого разговора. Но что с вами, милейший? Я вижу, вам не по себе. Не прикажете ли воды? Я сейчас распоряжусь!

– Нет, не нужно, ничего не нужно, – задыхаясь, ответил Юрьевский. Он был бледен, но спокоен. – Я действительно говорил этому несчастному о нирване, но разве не имел я на это права? Разве судьба его предшественников не давала этого права?

– Вы полагаете – судьба? – сам не зная, зачем сделал Твердов ударение на последнем слове.

– Да, да, судьба! – закричал Юрьевский. – Только судьба, и ни что иное. Никто ничего сказать не может. Судьба – и только.

– Пусть будет судьба, если вам это угодно, судьба так судьба, но, конечно, до поры до времени, – улыбнулся Твердов. – Однако мы отвлеклись от нашей первоначальной темы. Какое же отношение имеет ваш визит к моим матримониальным намерениям?

– Да вы-то сами разве не видите, не замеча-

ете, что происходит? Ведь эти люди погибли ни за что ни про что. Вся их вина лишь в том, что они осмелились...

– Приблизиться к повелительнице вашего царства, как вы изволили называть Веру Петровну в своей застольной речи? – перебил его Твердов.

– Как я называю ее, и что она для меня – это мое дело! – ответил Юрьевский. – Но вы-то, умоляю вас, откажитесь от своих видов на нее... Слышите, я, старик, умоляю вас! Денег вам нужно – я дам, сколько хотите... Впрочем, что это я? Ха-ха-ха! – вдруг переменял тон и злобно засмеялся Юрьевский. – Да не все ли равно теперь?... Ха-ха-ха?

Твердов с удивлением смотрел на него. Перед ним был совсем другой человек. Юрьевский поднялся и стоял, выпрямившись во весь рост. Его крупная фигура словно еще больше выросла, раздалась. Нервно подергивавшиеся губы, бесцветные глаза с бессмысленно-диким взглядом теперь изобличали в нем ненормального человека. В его хохоте слышалось что-то дьявольское. Твердову стало не по себе. Он припомнил сцену в часовне:

теперь Юрьевский был такой же, каким он видел его тогда.

– Нирвана... небытие... стремитесь к нему! – почти выкрикивал Иван Афанасьевич. – Спешите погрузиться в него!... Неизбежное неизбежно. Блажен, кто может. Жребий брошен. Так нужно... нужно... Я не виноват. Я ни при чем. Да свершится! Прочь с дороги! – крикнул Юрьевский Николаю Васильевичу, хотя тот вовсе не преграждал ему путь, а, встав с кресла, стоял в стороне.

С этим последним окликом Юрьевский словно ослабел, как-то странно сторбился и, не глядя на Твердова, неуверенной походкой направился к двери.

– Господин Юрьевский! – окликнул его Николай Васильевич, когда странный гость был уже у порога.

Тот остановился, но не оглянулся, а продолжал стоять, понутив голову.

– Вот что я вам скажу, – продолжал Твердов. – Люди-то, пожалуй, и правы. Вам не мешает полечиться, а то ваше дело совсем плохо. Впрочем, это меня не касается. Говорю так только, чтобы расквитаться с вами в чув-

ствах. Вы меня жалеете, а я – вас, стало быть, мы квиты. На этом и покончим. Крестнице же вашей я предложения не делал и ничего ей ни о каких своих чувствах не говорил. А теперь, после нашего разговора, непременно сделаю предложение. Слышите, господин Юрьевский, непременно сделаю и все свои намерения осуществляю. Берегите же царицу своего царства. Объявляю вам, что я похищу ее у вас!

Какое-то рычание раздалось от двери. Юрьевский обернулся, выпрямился, потом пригнулся, как будто для того, чтобы кинуться на Твердова. Его глаза готовы были выскочить из орбит, на губах показалась пена, лицо от прилива крови потемнело.

Николай Васильевич при взгляде на этого бешеного зверя в человеческом образе невольно задрожал.

„А что, если и в самом деле бросится? – мелькнула у него мысль. – Мы одни, убьет!“

Юрьевский, по всей вероятности, действительно кинулся бы на Твердова, но в это мгновение словно из-под земли вырос Савчук.

– Шапочку пожалуйста, ваше степенство, – заговорил он, становясь между Иваном Афанасьевичем и Твердовым. – А вашу шинель я в передней подам.

Неожиданное появление нового лица привело Юрьевского в себя. Он так же, как и тогда, в часовне, встрепенулся, обвел изумленным взглядом комнату, потом схватил из рук Савчука шапку и выскочил из гостиной.

VII

НОВЫЙ ТОВИЙ

Твердов после ухода Юрьевского скорее остался в недоумении, чем был испуган. Однако намерение Ивана Афанасьевича перейти от слов к действиям было столь очевидно, что Николай Васильевич не сразу оправился.

– Маньяк... Сумасшедший, – пробормотал он.

Савчук, спокойный, улыбающийся, был уже около него.

– Сумасшедший-то он – точно, – заговорил он, – а только ох как иногда бывает опасен для нормальных людей их брат... И не потому опасен, что вред какой причинит, – нет. Это бы еще туда-сюда, а вот хитры очень эти господа. Иной так здоровым притвориться сумеет, что больным его никто и не считает, а он потихоньку свои идеи в исполнение приводит.

– А этот несчастный, как на ваш взгляд? – спросил Твердов, переходя с Савчуком на

«вы», словно забыв об их официальных отношениях.

– Кто его знает? – отозвался тот. – Дело тут темное, докторского свидетельства нет, а без этого и судить нельзя. Но так, ни с того ни с сего, тронуть его нельзя. Человек видный, миллионер. Да и причин на то нет никаких.

– Но вот эти сцены, угрозы?

– Что ж такого. От слов до дела куда как далеко... Ах, да что же это я? – спохватился вдруг он. – Чего это я язык-то распустил?... Одеваться прикажете? Идете куда или дома будете?

– Иду! – подумав, решительно произнес Твердов. – Так правду вам этот ваш кум, что у Пастиных служит, говорил?

– Пискарь-то? Это о чем же?

– Да что вы? – махнул рукой Николай Васильевич. – Пора эти прятки бросить. Ведь Кобылкин был у меня, и я действую по уговору с ним, так что нам нечего и прятаться.

– Не знаю-с, Николай Васильевич, о чем вы говорить изволите, – твердо ответил Савчук, – о каких прятках и каком таком Кобылкине, а Пискарю я доверяю – он не мог мне лгать или

какую-нибудь там сплетню передавать, не такой он человек.

– Ну, хорошо! Так вот вы и передайте своему, не знаю, как назвать, начальнику, набольшему, что я сейчас же еду сделать предложение этой вдовушке. Говорю я это, предупреждая, чтобы вы и ваши были настороже с этого момента. Я не боюсь за свою жизнь. Теперь я сам хочу, чтобы тайна была раскрыта, и чем скорее, тем лучше. Достаточно было всякой тьмы, необходимо пролить свет на всю эту загадочную историю. Я догадываюсь, что у вашего Кобылкина уже есть в руках нить, по которой он доберется до клубка. Так вот пусть добирается. Чем скорее, тем лучше; мои нервы напряжены, я чувствую, что долго не выдержу, в особенности, если будут повторяться вот такие сцены... Слышите, господин Савчук? Передайте же мои слова Кобылкину.

– Слушаю-с, – тихо проговорил Савчук, – будет исполнено, Николай Васильевич.

– И прекрасно... стало быть, скоро конец!

Твердов рассмеялся и тихо запел песенку Гренише из „Корневильских колоколов“:

– „Пльиви, мой челн, по воле волн, куда

судьба влечет тебя!“

Явившись вскоре после этого к Пастиным, он застал там переполох. Глаза Веры Петровны были красны от слез. Петр Матвеевич и Анна Михайловна ходили растерянные.

– Нехорошо, сударь мой! – негодующим тоном встретил его Пастин. – Так плохо, что и не знаю, чем объяснить такое поведение!

– Петр Матвеевич! – воскликнул удивленный Твердов. – Да что с вами? Что случилось?

– А то, сударь: какие мы ни есть, а все-таки с твоим покойным родителем дружбу водили. За что же порочить честную купеческую семью?

– Вы это про меня? Да? Ничего не понимаю! Ради Бога, объясните, в чем дело... Никакой вины не чувствую...

– А ты что сегодня Верочкиному крестному говорил? – переменил старик тон на более милостивый.

– Ах, вот кто тут замешался! – воскликнул Твердов.

– Да, вот кто! Мало того, что по кабакам честное имя треплется, так еще близким родственникам насмешки всякие строить... Те-

бе-то что? Поговорил языком, почесал его о зубы, да и в сторону. А тут Иван Афанасьевич пришел, так и пышет. „Позор, – говорит, – для всех позор, для всей семьи позор...“ Грозит, что наследства лишит... А с него станется.

– И все это из-за меня?

– За язык твой!

– В таком случае, Петр Матвеевич, я должен буду просить вас об одном, – решительно сказал Твердов. – Я – не миллионер, но все-таки средства мои более чем приличные. И я во все не желаю, чтобы Вера Петровна теряла что-нибудь из-за меня. Все, что я говорил, как вы выражаетесь „в кабаке“, я говорил обдуманно. Я твердо решил, прежде чем обмолвиться хоть одним словом, просить у вас руки вашей дочери, и если не сделал этого, то лишь потому, что не считал до поры до времени удобным такое предложение. Но теперь господин Юрьевский, который был у меня и разыграл странную сцену, а затем ваши слова заставляют меня сказать вам сейчас же о своих намерениях, которые, как вы сами изволите видеть, честны и благородны, и затем с вашего согласия, если оно последует, повторить

мое предложение Вере Петровне.

– И ты это всерьез? – спросил Пастин, посмотрев на Твердова.

– Как нельзя более. Я все обдумал раньше.

– И не боишься?

– Чего?

– Да вот... Ну, шестеро впереди...

– Вот вы о чем! – улыбнулся Твердов. – Ну, чего же тут бояться? Знаете пословицу: „Двум смертям не бывать, одной не миновать“. Я же не из трусливых, да притом еще фаталист по убеждению... Что вы мне ответите?

Петр Матвеевич задумался.

– Не знаю... По правде скажу я тебе – не осуди только старика за откровенность – был у меня с дочерью о тебе как-то тут разговор...

„Пискарь!“ – подумал Твердов и спросил:

– И какие же результаты?

– А вот какие: ежели ты и в самом деле не боишься, ежели ты и в самом деле говоришь все это не затем только, чтобы кабацкий заклад взять, так вот тебе моя рука. А если смеешься над стариком да над бедной девочкой, Господь тебе судья! Вот что я тебе скажу.

– Очень рад! – весело сказал Твердов. – По

рукам? Да? А Юрьевский?

– Бог с ним! – махнул рукою Пастин. – Хоть бы век его не знать. Всю душу измочалил... Дикий мужчина!

– Тогда позвольте мне поговорить с Верой Петровной?

– Говори, твое дело... Вера, Верочка!

Вероятно, Вера Петровна слышала кое-что из их разговора, который они вели довольно громко, по крайней мере, на зов отца она явилась смущенная, покрасневшая и такая хорошенькая в этом своем смущении, что Николай Васильевич невольно залюбовался.

„Прелесть девочка! – подумал он. – Жаль будет, пожалуй, разорвать с нею, когда вся эта катавасия кончится“.

– Вот, Вера, тут Николай Васильевич слово к тебе имеет, – сказал Петр Матвеевич, – поговори-ка с ним, а я к матери пройду. Будь внимательна, ты теперь сама над собой набольшая, я твоей воли с тебя не снимаю. Разговор тебя касаться будет, так ты и держи свою линию.

Он вышел, молодые люди остались одни...

В первые мгновения они смущенно молча-

ли. Твердое, расхрабравшийся было, не знал, с чего начать свои объяснения. В его голове крутилась ядовитая мысль, что перед ним „дочь Рагуила“, приближение к которой стоило уже шести жизней. Невольно ему припомнился умирающий Гардин, затем промелькнуло воспоминание о Юрьевском и диких угрозах этого человека. Однако, последнее повлияло на Николая Васильевича решающим образом, он встряхнулся, на губах у него заиграла улыбка, и он заговорил спокойным, даже веселым тоном:

– В малом, Вера Петровна, мне нужно сказать многое. Как будто и не время для такого разговора, да чем скорее мы решим этот вопрос, тем лучше для нас обоих. Не так ли? Если так, минуту вашего внимания – и все разрешится. Э, да к чему все эти длинные предисловия! Я без букета, Вера Петровна, и даже в сюртуке, но, тем не менее, пришел просить вашей руки... прямо, просто, скоро: хотите быть моей женой?

Вера Петровна, до того сидевшая с потупленными глазами, взглянула на Твердова.

– Вы смеетесь, Николай Васильевич? – ска-

зала она.

– Почему?

– Вы сами знаете...

– Опять! Гардин, Середин, Антонов и кто еще? Ну, все равно... Вы про это? Оставьте, их нет, а вы существуете... Что скажете?

– Я ничего не могу сказать... вспомните, как меня окрестили и в газетах, и везде...

– Дочь Ругуила? Ну, что же? Если вы – исполняющая роль ветхозаветной девицы, то почему мне не выступить в роли Товия? Он разрушил чары и, как вам известно, заставил виновника всех несчастных супружеств Ругуиловой дочери убраться за тридевять земель в Экбатану. Ну, вот и мне, может быть, то же удастся. Что скажете?

– Нет, нет, Николай Васильевич, зачем вы все это? К чему это ваше предложение?... Ведь я же знаю, чем оно вызвано. Неужели же я настолько презренна, что надо мною можно смеяться прямо мне в глаза? Ведь если бы не это легкомысленное пари, вы сейчас не были бы здесь.

– Вот и ошиблись, дорогая, очень ошиблись. Да что таить? Ведь, правда. Когда про-

изошло это несчастье на вашей свадьбе, я всю ночь думал о вашей участи и пришел к заключению, что во всем этом есть какая-то загадка. Тогда же я решил, что эту загадку нужно разгадать, и... – Твердов запнулся. Он вспомнил, что Кобылкин упрашивал его молчать о своих истинных намерениях, чтобы не повредить ходу задуманных действий. Поэтому он продолжил: – И я решил, что если все это было только случайностью, я останусь цел и невредим. Почему, вы спросите, я так решил? Да потому что я, по своему глубокому убеждению, верю в предопределение. Чему быть – того не миновать. Кому нужно стореть, тот не утонет. Мне то же убеждение или тайные голоса души, врожденный инстинкт подсказывали и подсказывают, что умереть мне суждено не скоро... Много лет я еще проживу на белом свете. Я же верю не только в предопределение, но и в предчувствие, глубоко верю, и вот решил испытать судьбу.

– И только? – с горькой улыбкой спросила Вера Петровна.

– Погодите! Это было сперва. Было – признаюсь, вы верно сказали – мое легкомыслен-

ное пари с Иваном Ивановичем, чувства же в то время не было никакого, простите мне эту откровенность. Я решил поиграть с судьбой – и только. Я ведь не спорил с Филипповым, что вы станете моей женой; я только утверждал, что найдется человек, который, зная все предшествующие обстоятельства, сделает вам предложение. От предложения до свадьбы дистанция огромного размера, всегда можно сделать предложение так, что отказ последует непременно. А я вот этого не хочу. Я много думал, анализировал свое чувство к вам и, наконец, пришел к искреннему убеждению, что не судьбу испытать я хочу, а хочу быть счастливым, и вы можете составить это мое счастье... Повторяю, я говорю все это после долгого размышления и теперь прошу вас ответить на мой вопрос: согласны ли вы стать моей женой?

Николай Васильевич приподнялся с кресла, в котором сидел, и устремил пытливый взор на Веру. Увлечшись ролью, он забыл о своих недавних намерениях сделать только предложение, а затем уклониться от прямого последствия. Он был вполне искренен. Вид

этой вдовы-девушки, угнетенной каким-то таинственным роком, возбудил в его сердце жалость, к тому же он был молод, а перед ним сидела хорошенькая особа, молодость же всегда и везде возьмет свое.

– Что же, Вера Петровна? – спросил он. – Я жду ответа.

Вера Петровна вспыхнула и потупилась.

– Не знаю, что и сказать вам, Николай Васильевич, – чуть слышно произнесла она. – За откровенность вашу большое спасибо, всегда лучше, если все начистоту выходит. А что сказать, что ответить, не знаю.

– Может быть, я не нравлюсь вам?

Вера Петровна потупилась еще более и не сказала ни слова.

– Может быть, – несколько повысил голос Твердое, – вы чувствуете, что не в состоянии полюбить меня?

– Я еще никого не любила, – слышался шепот Веры.

– Как? А Гардин?

– Он только нравился мне. Кроме того, я знала его с детства.

– А те... перед ним?

– Не знаю... Нет, нет!... Бедный Середин мне нравился, но это был только сон... греза... Проснулась я – и ничего нет.

– А на мой вопрос что вы ответите?

– Не знаю...

Но лицо Веры Петровны выдавало, что она не откровенна; оно вместо нее дало ответ Николаю Васильевичу.

– Милая! Так, значит, я не противен тебе? – кинулся он к молодой женщине. – Ты можешь полюбить меня, ты любишь меня?... Слово, одно слово! Хоть шепни! – Он схватил руки Гардиной и осыпал их поцелуями. – Что же, зачем ты молчишь? – страстно шептал он. – Ответ!

Он скорее угадал по движению губ, чем услышал, ответ Веры:

– Да!

Мгновение – Вера Петровна была в объятиях Твердова. Она не сопротивлялась, охваченная незнакомым чувством. Твердов был первым в ее жизни человеком, прикасавшимся к ней своим горячим, страстным поцелуем. Середин только промелькнул перед нею. Антонов, грубый, до цинизма откровенный и веч-

но нетрезвый, был ей противен; Гардин, друг детства, к которому она привыкла, как привыкает сестра к брату, не мог пробудить в ней чувство любви. Теперь около нее был молодой, красивый, смелый мужчина. Вера Петровна почувствовала, что теряет голову. Отдавшись внезапному порыву счастья и любви, она отвечала на поцелуи Твердова.

– Любишь? Моя? – шептал тот, едва дыша от волнения.

– Да, да! Твоя! Твоя! – также шепотом ответила Вера.

Вдруг в тот самый момент, когда Вера Петровна и Твердов готовы были забыть весь мир, в комнате раздался глухой истерический хохот.

Николай Васильевич вздрогнул и отшатнулся от Веры. Та тоже пришла в себя и со страхом огляделась.

В дверях гостиной стоял Юрьевский. Он ничего не говорил, но в его лице и диком взгляде было столько злобы, что Твердов невольно задрожал.

Эта сцена продолжалась не более мгновения. Затем Юрьевский вышел так же бесшумно.

но, как и появился.

– Милый, мне страшно! Я боюсь крестного! – прерывающимся голосом заговорила Вера.

Как ей было жаль только что пережитых мгновений любви и счастья! Так они были новы и в то же время так коротки, что в сердечке молодой женщины вдруг вспыхнула злоба против человека, помешавшего ее счастью длиться без конца.

– Какой страшный мой крестный! – повторяла она. – Как он поглядел на нас!... Я боюсь, боюсь...

– Разве я не с тобою теперь? – ответил Твердов. – С тобою на всю жизнь... Но, правда, он – ужасный человек. Он действует на нервы. Один его вид... Оставь, успокойся, поцелуй меня, и позовем отца и мать.

Вера Петровна прильнула к Твердову с новым поцелуем и тотчас же отпрянула. За дверьми слышались шаги Петра Матвеевича.

– Ну, что, поладили? – спросил старик, входя в гостиную и всматриваясь в молодых людей.

– Благословите нас, Петр Матвеевич! – решительно произнес Твердов, беря за руку Веру и подводя ее к отцу.

Тот опять посмотрел на них и улыбнулся.

– Скоренько же! – сказал он. – Ну, да что же? Это – уже ваше дело. Старуха-то как рада! „Достойный, – это она про тебя говорит, – молодой человек, не побоялся!“ Анна Михайловна, мать, поди-ка сюда! – крикнул он жене.

Через четверть часа все они уже сидели в столовой. Жених и невеста поместились рядом, и пошел разговор о том, что будет дальше.

– Пока, дети, обо всем молчок! – произнес Петр Матвеевич. – Нечего раньше времени людей мучить.

– Я думаю, что обвенчаемся мы потихоньку, – заметил Твердов, – и сейчас же за границу.

– Так, так... Что же, и шести недель ждать не будете?

– А после чего?

– Да после... – и старик запнулся.

– Чего же ждать? – сказал Николай Васильевич. – Покойный Женя, в сущности, нико-

гда не был Вере мужем. Она – моя миленькая женка. Так, Верочка?

– Да, да, милый! – смотря на Твердова счастливыми глазами, ответила Вера, и взгляд ее ясно показывал, что если этому молодому человеку судьба готовит участь его предшественников, то чувство к нему, память о мгновениях счастья никогда не исчезнут из этой маленькой головки, из этого бедного сердца, жаждавшего любви и только-только познавшего ее.

Николай Васильевич тоже был в каком-то упоении. Все, что было у него ранее, теперь казалось ему ничтожным, пошлым. Это молоденькое существо, так доверчиво ответившее на внезапно охвативший его порыв страсти, стало ему вдруг близким, бесконечно дорогим.

Он чувствовал, что его прямая обязанность защищать и оберегать эту женщину от всех бед и напастей. Николай Васильевич не вспоминал о своих недавних намерениях только сделать предложение, и не больше. Он забыл и о Кобылкине, и о Савчуке, и о Пискаре, но зато вдруг вспомнил о Юрьевском, и опять

невольная дрожь пробежала по его телу.

Вера Петровна как будто прочла его мысли.

– Папа, опять крестный был? – спросила она.

Петр Матвеевич махнул рукой.

– Просто не рад я ему, – сказал он, – кабы знал, никогда его в кумовья не позвал бы... Мудрит- мудрит! Хоть бы прямо говорил, что ему не по сердцу. Так нет, молчит.

– Зачем он был? – спросил Твердов.

– А кто его знает, полоумного? Утром тут был, – насчет тебя, Николай, набаламутил и ушел. Потом опять появился. „Вера, – спрашивает, – где?“ – „В гостиной, – говорю, – серьезным делом занята“. Он, ни слова не говоря, шаст к вам в гостиную, захохотал чего-то и ушел из дома. Хоть бы совсем никогда не приходил! Бог с ним, с его наследством!

– Я, папа, откажусь от его денег, – проговорила Вера Петровна, – не нужно их нам. Я просто боюсь его.

Твердов не сказал ничего. Ему жалко было портить настроение разговором об этом человеке.

– Вот уже поистине будет, – переменяла тему Анна Михайловна, – что суженого конем не объедешь, если на вашей свадьбе, Николай Васильевич, все слава Богу будет.

– Будет, Анна Михайловна, – улыбнулся Твердов, – все благополучно будет, поверьте моему слову.

– Давай-то, Боже, а то ведь покойники все.

Простодушная женщина не подумала о том, что такие соображения вовсе не к месту. Да молодые люди и не слушали ее, они, забыв о прошлом, отдались мечтам о счастливом будущем.

Весь день они говорили и не могли наговориться. Говорили о свадьбе и окончательно решили обвенчаться без всякой огласки и сейчас же уехать за границу. О смерти не думали. Твердое подсмеивался над судьбой и говорил Вере, что, стоит человеку только пожелать чего-нибудь, но пожелать крепко, с непременным решением добиться намеченной цели, и никакая судьба не помешает человеку так или иначе добиться желаемого.

Молодая женщина с восторгом слушала эти речи. Николай Васильевич представлялся

ей героем, сказочным богатырем, витязем прочитанных ею в детстве сказок. Ей вспомнился Георгий-победоносец, поражающий ужасного змея и избавляющий обреченную ему на жертву царицу. Она даже не задумалась над тем, удастся ли ее избраннику победить какого-нибудь таинственного „змея“, она была уверена в его победе, и будущее рисовалось ей долгими годами счастливой, без малейшего облачка, жизни.

VIII

Загадочное исчезновение

От невесты Твердов ушел поздно. Ему в этой доброй семье было так хорошо, что он покинул ее с большим сожалением.

Вера вышла проводить его.

– До свиданья, милый, ненаглядный! – сказала она. – Береги себя.

– Я ничего не боюсь! – ответил Николай Васильевич.

– Все-таки береженого Бог бережет... Для меня себя береги, мой любимый, мой единственный!...

Николай Васильевич стал уже спускаться с лестницы, как вдруг Вера окликнула его:

– Постой, постой! Дай мне перекрестить тебя... я тогда спокойна буду!

Наконец Твердов вышел на улицу. Была уже ночь. Тускло мерцали фонари, улица казалась пустынной. Николай Васильевич крикнул стоявшего у подъезда пастинского дома извозчика.

– Куда, барин, прикажете? – отозвался из-

возчик.

Николай Васильевич вздрогнул.

„Галлюцинация, что ли?“ – подумал он, но не предал этому значения и стал думать, куда ему направиться.

Идти домой не хотелось. Отправиться в ресторан, где в это время обычно собиралась компания друзей, показалось Твердову, после пережитых приятных часов, пошлостью.

„Проедусь по воздуху, – решил он. – Помечтаю, подумаю. Вот она – любовь! И как внезапно!“

Он опомнился. Извозчик стоял, дожидаясь ответа. Твердов оглянулся. У ворот, закутавшись в тулуп, крепким сном спал дворник, прохожих не было.

– Вези, братец, куда знаешь, по городу прокатиться, – сказал Твердов и сел в сани.

Лошадь – очевидно, не извозничья кляча, а рысак – так и рванула с ходу. Перед Твердовым замелькали фонари, дома, улицы и площади, но он, погруженный в счастливые думы, даже не замечал их.

Вера Петровна, проводив жениха, вернулась и вдруг почувствовала, что в ней что-то

переменилось. Исчезло радужное настроение, светлые грезы сменились каким-то мрачным предчувствием. Она словно поникла, и грусть так ясно отразилась на личике молодой женщины, что даже Петр Матвеевич встревожился не на шутку.

– Что с тобою, Веруша? – нежно спросил он. – То была весела, щебетала, словно птичка, радовалась и вдруг что ночь осенняя стала.

– Не знаю, папочка, – ответила Вера.

– Дело известное, – заметила Анна Михайловна, – невестинское... Что впереди, как впереди – каждая невеста призадумывается.

– Верно, мама. Особенно мне задумываться приходится, ведь я – в седьмой раз невеста.

– Так что же? И слава Богу! Не обсевок, стало быть, какой-нибудь.

– А вдруг прежнее?...

– А ты не горюй, молись! К Казанской Божьей Матери съездим, молебен отслужим, авось Господь и пронесет... Да что ты, в самом деле? Бог с тобою, о чем ты?

По щекам Веры катились слезы.

– Папа! Папочка! – заговорила она. – Роди-

мый мой, если любите меня, если только жалуете...

– Что, Веруша? Что? – заволновался Пастин. – Чего тебе?

– Пошлите узнать, вернулся ли домой Николай, все ли благополучно с ним, тоска меня мучит, гнетет.

– Можно! Сейчас! Пискарь говорил нам как-то, что он – приятель и кум с камердинером твоего нареченного, его и пошлем... Эй, кто там! Пошлите-ка Александра!

– Да он на дежурстве, у ворот. Дворник отлучился, так Пискарь его заменил, – отозвалась на оклик хозяина горничная. – Только дворник сейчас вернется.

– Экий этот Пискарь дотошный! До всякого дела ему надобность есть. Ну, с дежурства позови, пусть съездит к Николаю Васильевичу, узнает, что и как.

– И скажите ему, папочка, чтобы не возвращался, не повидав Коли, – попросила Вера Петровна.

– Ладно. Экая ты! Ну что с ним поделаться может? Ведь столица, не муромские леса!

Вернувшаяся горничная объявила, что

Пискаря у ворот нет; она было поискала его, а городской с ближайшего поста сказал ей, что Пискарь с его ведома отлучился куда-то по внезапной надобности и заявил, что и сам не знает, когда возвратится.

– Чудно! Что такое с ним, и понять не могу! – развел руками Пастин. – Верно, что-нибудь срочное... Хоть и недолго он у нас служит, да человек верный. Ума не приложу, как теперь быть?

– Сами, папа, съездите, – умоляла Вера Петровна.

– И то самому придется, больше делать нечего, – крихтя, встал старик и пошел одеваться.

Для Веры Петровны потянулись бесконечные, долгие часы ожидания. Время шло, а Петр Матвеевич не возвращался. Часовая стрелка показывала далеко за полночь; начала беспокоиться и Анна Михайловна.

– Эка, старый полуночник, – ворчала она, – чего это он? Уж не молодость ли вспомнил? Любил – было дело! – попутаться, нечего грех таить.

– Да что вы, мама? Как вам на ум такие

мысли приходят? – останавливала старушку дочь.

– А что же! Быль молодцу – не укор, – продолжала та. – Вот и теперь, думаю я, пошел отыскивать твоего Николая, если он не дома, так нашел где-либо в компании. Попал к молодым и потрянул стариной. Пожалуй, так и есть.

Но старуха ошибалась. Часовая стрелка показывала половину второго, когда вернулся Петр Матвеевич.

– Что, папа, что? – кинулась к нему Вера Петровна. – Видел?

– Постой, Веруша, дай дух перевести.

– Папочка... Не томите!

– Ну, ну... Приехал я это к нему, – начал рассказывать старик, – спрашиваю, говорят, не возвращался еще...

Вера Петровна тихо вскрикнула.

– Ну, что же из того, что не возвращался? – поспешил заметить старик и продолжал свой рассказ: – Я сейчас это потребовал Николаева камердинера, кума Пискаря. Говорят, и тот ушел, куда – неизвестно, когда вернется – неведомо, вот они, слуги-то нынешние! Поло-

жись-ка на них попробуй.

– Так и не нашли нигде Николая? – тихо спросила Вера, и на ее глазах показались слезы.

– Постой! Знал я про кабачок, где они все собираются. Дай, думаю, съезжу, верно, с приятелями хороводится. Ну, поехал, приехал, все налицо, вся честная компания: и Ваня Филиппов тут, и Александр Александров, и Митя, и прочие остальные, все как есть сидят и благодушествуют. Ох, эти мне полуночники! И чего это отцы с матерями смотрят?

Старик, видимо, старался тянуть свой рассказ как можно дольше.

– И что же Коля-то? – волнуясь, спросила Вера. – С ними он?

– Нет, нашего сокола между ними не было, – с неохотою проговорил Петр Матвеевич. – Спросил: говорят, не бывал, и смеются чему-то.

– Да вы бы, папа, опять к нему.

– Был, опять сказали – не возвращался... Да что мне, в самом деле, всю ночь, что ли, путаться? Эка песчинка! Не бойся, никто не съест, будет цел королевич-то твой!

Старик ворчал, но и у него нехорошо было на душе. Невольно думалось, что и в самом деле не случилось ли чего с Твердовым. Ведь в прошлом были точно такие же неразрешенные загадки, можно было ожидать их повторения.

Вера Петровна тихо плакала, отец ворчал, стараясь прикрыть свое смущение, мать охала и ахала, вдруг охладев к Николаю Васильевичу и коря его непростительным вертопрашеством.

– Прямо от невесты вертопрашничать отпавился! – восклицала она. – Потерпеть не мог. Ну и хорош же! Гусь, одно слово, гусь, и больше никаких. И зачем тогда весь сыр-бор водить было?

Неспокойную ночь провели все в семье Пастиных.

Наутро Петр Матвеевич сам, не дожидаясь просьб Веры Петровны, решил отправиться к Твердову. Проснувшись, он узнал, что Пискарь еще не возвращался. Это и удивило, и рассердило старика, на кого-кого, а на дотошного малоросса Пастин вполне полагался и поэтому ничем не мог объяснить его загадоч-

ное поведение.

В гостинице, где жил Твердов, Пастина ожидал новый сюрприз. Оказалось, что за полчаса до его приезда в гостиницу явился посыльный с визитной карточкой Николая Васильевича и объявил от его имени, что он прислан немедленно расплатиться по счету, так как Твердов должен экстренно уехать из Петербурга. Свой номер он оставлял за собою на месяц и оплачивал его вперед. Камердинеру Савчуку также было прислано, с приложением крупной суммы, уведомление, что Николай Васильевич более в его услугах не нуждается, и он может искать себе место.

– А где же этот камердинер? – спросил Пастин. – Повидать бы его.

– Тоже как ушел вчера, так и не возвращался.

Делать было нечего, приходилось уйти.

Пастин отправился домой.

„И этот сбежал! – думал он по дороге с обидой. – Поразмыслил – и на попятную! Ну что я теперь скажу Вере? Эх, бедная, бедная!“

Но ни говорить, ни объяснять дома Петру Матвеевичу ничего не пришлось. Там уже и

без него было известно, даже в подтверждении самого Твердова, то, что старик только предполагал.

В отсутствие Петра Матвеевича пришла телеграмма, данная, судя по штемпелям и пометкам, на Варшавском вокзале. В ней Твердов уведомлял Веру, что, по твердом размышлении, чувствует себя не в силах составить ее счастье и спешит удалиться, дабы не мешать ей быть счастливою с кем-нибудь другим, более достойным.

– Да что же это такое? Да быть этого не может! – восклицал Петр Матвеевич. – Ничего подобного и представить было невозможно!

Однако спорить было бесполезно. Твердов сбежал – его телеграмма ясно говорила об этом.

Но как все это могло случиться?

IX

Таинственное царство

Николай Васильевич, словно в забытьи, пролетал улицу за улицей на лихаче извозчике, взятом им у пастинского дома. Он был так счастлив, так радостно настроен, что ему было все равно, куда ехать, только бы быть в движении и не оставаться одному. Он не замечал пути, по которому мчался. Сперва улицы были шумны и людны, потом они углубились в какие-то мрачные переулки, и, наконец, на Твердова пахнуло свежим, холодным ветром.

– Куда ты везешь? – крикнул он кучеру.

– По Островам, – последовал ответ.

И опять Николай Васильевич невольно вздрогнул, услышав голос возницы: очень уж знакомым показался он ему.

Однако мечты и грезы снова овладели Твердовым, опять его охватила жажда быстрого движения. Легкий морозный ветер обвевал его, забирался под меховую шинель, заставляя кутаться, и это доставляло ему удо-

вольствие. Какая-то нега разливалась по телу. Он давно не был так доволен катаньем, как в этот раз.

„Это хорошо, что на Острова, – размышлял Твердое, – там поужинаю где-нибудь в кабачке и домой, спать, сейчас же спать... „Умереть – уснуть“, – припомнил он слова Гамлета. – А что, – продолжал он думать, – сон – это тоже своего рода нирвана, о которой столько твердил этот несчастный Юрьевский“.

Николай Васильевич улыбнулся, припомнив внезапное появление Ивана Афанасьевича.

„Опоздал! – подумал он. – Улетела, братец, твоя царица!... Чуть бы пораньше, а теперь – тю-тю!...“

И опять ему стало смешно и в то же время жалко этого странного человека, жившего другой, совершенно обособленной, жизнью, исключительно своими интересами, своими радостями, своими печальями, далекого от всего, что не соприкасалось с его идеей.

„Маньяк, сумасшедший, – подумал Твердов и тут же невольно сравнил себя с Юрьевским: – Я ведь точно так же живу мечтой, то-

же создал свое невидимое царство. Но как хорошо, как отраднo жить грезой! Только теперь я начинаю понимать этого несчастного человека. Вера действительно царица его грез. Юрьевский ведь так и назвал ее тогда. А как больно, когда вдруг кто-либо вторгается в твою жизнь, где господствуют грезы! Как тяжело, когда вдруг разрушают иллюзии!... Не хотелось бы мне испытать это“.

Неожиданный толчок заставил Твердова очнуться, прийти в себя. Он огляделся. Нет, не на Острова завез его лихач. Твердов хорошо знал там каждый кустик, тут же было что-то другое, совершенно незнакомое. Он изумленно оглянулся вокруг. По обеим сторонам были видны какие-то строения, в их окнах не светились огни. Было мрачно и пустынно. Одно только небо смотрело на землю бесчисленными глазами-звездами. Где-то далеко слышалась колотушка ночного сторожа.

„Где я? Куда попал? – пронеслось в мозгу Николая Васильевича. – Куда он завез меня?“

Извозчика не было видно, лошадь стояла неподвижно, как вкопанная. Твердова вдруг охватил ужас. Инстинкт подсказывал ему

близость какой-то беды, смертельной опасности. Он хотел крикнуть, хотел отстегнуть тяжелую полсть, но вдруг что-то мокрое, липкое и пахучее закрыло его нос и рот. Твердов почувствовал, что теряет сознание...

„Середин, Антонов, Гардин! – промелькнули в голове фамилии его предшественников. – Дочь Рагуила... Товий... и я... я...“

Твердов потерял сознание.

Сколько времени продолжалось это забытьё, Николай Васильевич не знал. Очнувшись, он почувствовал, что ему очень плохо: голова была невыносимо тяжела, сердце учащенно билось, не хватало воздуха, не было сил приподнять отяжелевшие веки.

Так прошло несколько мгновений. Вдруг до слуха Твердова долетели звуки музыки. Слышались мелодическое, ласкающее слух пенье флейты, нежные звуки арфы, рыдание скрипки, и все это сливалось и утопало в звуках чудного хора человеческих голосов.

Сделав над собой усилие, Твердов открыл глаза и замер в изумлении.

„Сон, дивный сон, или я окончательно сошел с ума!“ – пронеслось в его мозгу.

То, что он увидел, в самом деле, могло только присниться. Мягкий, приятный свет разливался вокруг. Роскошные тропические растения окружали его со всех сторон, скрывая дивный оркестр и дивных певцов. Приятная, наводящая сладкую истому теплота разливалась в воздухе, разнося чудные ароматы каких-то цветов. Как только стихли оркестр и певцы, донеслось щебетанье и пенье невидимых птиц. Все это вначале изумило Твердова, но затем испугало. Он хотел приподняться, но не мог: как только он начинал шевелиться, во всем теле чувствовалась невыносимая боль, словно какие-то путы врезались в его тело. Только голова оставалась свободной. В то же время Николай Васильевич почувствовал, что не может издать ни малейшего звука — его рот был закрыт тугой повязкой.

Поняв, что все его усилия освободиться не приведут ни к чему, Николай Васильевич вдруг успокоился. Не все ли равно? Раз борьба невозможна, нечего и силы тратить. Но он по-прежнему был уверен, что видит все это не наяву, а в странном сне, неизвестно чем навеянным. Однако, с трудом повернув голову,

Твердов различил, что лежит не то на траве, не то на каких-то растениях.

„Галлюцинация... бред... Да я... я и в самом деле сошел с ума“, – подумал он и замер.

Все вдруг разом изменилось. Свет померк и сменился крошечной тьмой. Невидимые певцы, оркестр, птицы – все смолкло.

До слуха Твердова донеслись звуки двух хорошо знакомых ему голосов, заставивших его затаить дыхание. Это были голоса Юрьевского и Веры.

– Царица! – слышался голос Ивана Афанасьевича. – Ты опять в этом дивном царстве. Все здесь тебе послушно, подвластно, все склоняется пред тобой, как склоняюсь я, его повелитель и творец. О, награди же твоего раба, дай ему мгновение светлого счастья, скажи, что ты его любишь!

– Люблю! – произнес нежный голос Веры.

Дрожа от волнения, Николай Васильевич снова стал прислушиваться. Говорил Иван Афанасьевич:

– О, вот счастье, вот неземное счастье! Ты, ты, пред которой я благоговею, любишь... любишь меня?

– Люблю!

– Награда превыше всех моих заслуг. Благодарю! Ты возвращаешь меня к новой жизни, даруешь мне бесконечное блаженство... Так любишь, любишь?

– Люблю!

– Царица! – послышался глухой голос Юрьевского. – Ты – греза, мечта, как и все в моем царстве. И сам я здесь тоже становлюсь не живым существом. Я – дух, бесплотный дух, такой же, как и все. Я – сон, но в оболочке смертного. Одна ты владеешь мной всецело, а потому все покорно тебе здесь, в этом царстве. Эй, подвластные мне грезы и мечты, собируйтесь, сходитесь, слетайтесь отовсюду, начните служение вашей царице, принесите ей жертвы! Я, ваш властелин, приказываю вам! Моя царица! Мой трон пред тобою! Войди же на него, воссядь, а мне позволь лечь на его ступенях, у твоих ног. Все собрались?

– Все, все здесь! – раздался хор всевозможных голосов: детских, старческих, мужских и женских.

Твердов лежал на своем зеленом ложе, не шевелясь. Ему было больно от стягивавших

его пут, стало быть, он не спал, но в то же время он не мог понять, что здесь происходит. Ведь все, что он слышал, видел и ощущал, мало походило на действительность.

Мгновенно около него разлился ослепительно яркий свет, но не свет солнца – слишком уже он был ровен и безжизнен.

„Посмотрим, что будет дальше, – подумал Твердов, отдаваясь теперь любопытству. – Право же, все это становится очень интересным... Но Вера! Здесь! Кто бы мог подумать?... Непонятно, непостижимо! Однако я не ошибаюсь... Это ее голос... Она... С Юрьевским! Ничего не понимаю, ничего не могу понять... Тут шабаш какой-то! Столько голосов!“

Действительно, голоса неслись отовсюду. Слышались серебристый смех, тихое пение, мужские грубые голоса, даже бряцание, как показалось Твердову, оружия. Все это сливалось в невообразимый хаос звуков.

Вдруг все смолкло.

– Друзья мои, мои рабы! – раздался голос Юрьевского. – Спасибо вам, вы все опять со мною, несете свой восторг моей царице. Приветствуйте ее!

– Да здравствует царица! – раздалась голова.

– Бесплотны вы, мечты и грезы! – продолжал Иван Афанасьевич. – Но всех вас я создал, вызвал к жизни. Вы живете мною, а я живу лишь ею одной. Но слушайте же: не раз наступал на наше царство враг, не раз начиналась борьба, и мы всегда побеждали. Вы знаете, враг стремился, во что бы то ни стало овладеть моей царицей, увести ее, отнять у меня. Разве я мог допустить это? С нею исчезла бы моя жизнь. И вот я смело вступал в борьбу и всегда побеждал. Теперь опять началась борьба. Явился дерзкий...

– Смерть ему! – раздалось кругом.

– Вы так сказали. Так слушайте же: я уже взял в плен врага, и он теперь в моей власти.

– Смерть! Смерть ему!

– А ты что скажешь, царица моя?

– Смерть дерзкому! – услышал Твердов голос Веры.

– Пусть будет так! Он умрет, как умерли другие, но только, прежде чем умереть, пусть он увидит славу своих победителей!

Зеленые кусты вдруг раздвинулись, и пе-

ред Твердовым предстала картина, похожая на сказку. Прямо перед ним, на высоком троне, к которому вели несколько ступенек, сидела Вера. На ней был древнегреческий наряд, и вся она сияла бриллиантами и золотыми украшениями. По обе стороны трона неподвижно стояли две фигуры воинов с мечами у бедер. У ног Веры полулежал, прислонив голову к ее коленям, Юрьевский, также в облачении древнего грека, и торжествующе-злобно смотрел в сторону своего врага – Твердова. Более никого не было, но невидимые оркестр и хор по-прежнему исполняли свою дивную мелодию.

Это видение продолжалось несколько секунд. Потом свет опять померк, и наступила тьма.

„Где я? Какая безумная греза поразила мой мозг?“ – думал Твердов, а в темноте опять раздался голос Юрьевского:

– Царица, мой пленник будет завтра принесен тебе в жертву! Довольна ли ты? Любишь ли меня?

– Люблю, люблю! – прозвучал прежний ответ.

Твердов рассердился.

„Что это она заладила: „Люблю, люблю“, – с досадой подумал он, – будто только это слово и знает! Ах, да, она еще слово „смерть“ сказала. Чудно! Что все это значит?“

Все стихло. Не слышно было ни звука, ни шороха. Николаю Васильевичу стало страшно. Он заметался, но путы были крепки.

Страх, волнение, загадочность происшедшего повлияли на Твердова: он потерял сознание.

Х

В мире гармонии и красоты

Когда Твердов пришел в себя, вокруг него по-прежнему были тьма и тишина.

„Фу, черт! – выбранился Николай Васильевич. – Да когда же это дьявольское наваждение кончится? Все это начинает надоедать“.

Как будто кто-то прочел мысли пленника. Тьма начала рассеиваться, и Николай Васильевич мог разобрать, что теперь он находится не в чудесном саду, а в каком-то другом месте. В наступившем сумраке были видны своды, колонны, это был какой-то храм. Сам Твердов лежал не среди зелени, а на невысоком помосте. Кто-то тронул его за плечо. Сделав усилие, Николай Васильевич повернул голову. Рядом с ним в кресле сидел Юрьевский, в том же самом древнегреческом уборе. Он заговорил, и Твердов ясно слышал каждое его слово.

– Сегодня я принесу тебя в жертву моему божеству, которое ты осмелился оскорбить своей нечистой лаской, – произнес Иван Афа-

насьевич, и Твердов, припомнив все, слышанное раньше, понял, что от последних злоключений его отделяет, по крайней мере, ночь. – Сегодня, скоро. Твои последние мгновения близки. Ты оскорбил божество и смоешь свой поступок кровью. Но будь счастлив: ты не просто умрешь, как умирали другие, а умрешь, созерцая царицу, умрешь во славу ее. Я принесу тебя в жертву, но хочу, чтобы, умирая, ты знал, в чем твое преступление. Радуйся этому, будь счастлив. Другие, кроме одного, точно так же, как и ты, лежавшего на этом жертвеннике, не знали, во имя чего они умирают, ты же будешь знать. Все равно для земли ты уже умер, поэтому ты можешь узнать все. Мертвецы не выдают тайн. Так слушай! За этим занавесом покоится моя царица. После ее пробуждения ты умрешь. Послушай же: теперь будет говорить не жрец богини, не ее раб, а такой же человек, каким был ты, прежде чем попасть в этот великий храм. Я всегда был одиноким человеком, запомни – человеком. Теперь я уже не человек, а дух во плоти, демон. Все человеческое давно стало мне чуждым. Когда я был еще челове-

ком – почему, не знаю, – все люди отшатнулись от меня. Я жил и не знал счастья, любви. Ты возразишь, что это мне только казалось... может быть, пусть так. Но я ощущал это отчуждение, я чувствовал вокруг себя только немую, бездушную пустоту. Вначале я винил только себя, думал, что сам не сумел приблизиться к миру, занять в нем назначенное мне природой место. И это может быть. Я ведь сказал, что с тех самых пор, как только себя помню, я рос в полном одиночестве. Я родился богачом, и люди видели во мне не человека, жаждущего любви, а золотой мешок. Меня окружала подлая лесть, но льстили не мне, превозносили не меня, а золотой мешок. С тех пор я стал презирать людей, отдаляться от них, уходить в себя. Озари меня своим светом в то время чья-либо искренняя ласка, и я остался бы с миром и в мире, но – увы! – этого не произошло... Со временем все шире становилась разделявшая меня и мир пропасть. Я делал попытки к сближению, искал мир. Я побывал почти везде на земном шаре, все видел, но только не находил людей. Я старался познать природу, но и она была бесконечно

далека от меня. Как и в людях, я не видел в природе искренности: она была доступна только золотому мешку. Житель севера мечтает о чудесах, тепле и солнце юга, южанин мечтает о здоровом, укрепляющем силы климате севера, больной ждет от природы исцеления, здоровый – счастья и радостей, но все это доступно для них, если они богаты. А как создается богатство? Богатство одного есть сумма недоеденных кусков, неисполненных желаний многих. Все продается, все покупается – люди, природа, свет солнца, покой ночи – все, все, все! И я убедился в этом и возненавидел мир. Бездна между мною и им стала необъятна. Тогда я решил создать для себя свой мир, где не было бы ни купли, ни продажи, ни подлости, ни лжи, ни зла, где все было бы чисто и свято и царили бы великое добро, гармония и красота.

Юрьевский умолк и задумался. Твердов лежал не дыша, находясь под впечатлением от услышанного. Теперь он кое-что начинал понимать, ему хотелось возразить, сказать что-то, но повязка по-прежнему плотно закрывала ему рот.

Так прошло несколько мгновений. Иван Афанасьевич очнулся и посмотрел вокруг. Взгляд его упал на Твердова, и вдруг лицо Юрьевского озарилось тихой, радостной, счастливой улыбкой.

– И знаешь ли, – заговорил он страстно, – ведь я сумел сделать это. Я создал мир по своему плану, по своему желанию. Как хорош, как чудесен этот мой мир! Все в нем гармонично, дивно-прекрасно, божественно-совершенно, девственно-чисто. Этот мир – мир моих грез. Они населяют его и не испорчены низкой лестью, не знают зла, они – воплощенное добро. По первому моему желанию мое воображение вызывает их, они послушны мне, всегда со мною, и я всегда среди них. Их много, им нет числа. Каждую мысль я воплощаю в образ, и он не проносится, как блеск молнии, а живет со мною, родит другие образы и погибает лишь тогда, когда его существование становится бесцельным. Вот мой мир, вот мое царство! Любой всемогущий король может позавидовать мне. Я – повелитель этого дивного мира грез, созданного мною самим. Сколько божественно-чудного вижу я в

нем! Часто целые великие народы населяют его и живут не для борьбы, не для самоунижения, но для совершенства. В моем мире нет ни ропота, ни возмущений, в нем все – красота, и ничего иного быть не может, потому что все – мое создание, а сам я – слуга лишь красоты и гармонии.

Юрьевский опять на мгновение смолк.

– И вот когда мне удалось создать свой мир, – заговорил он, – вдруг тот, другой, жалкий, ничтожный человеческий мир повлек меня к себе. В этом жалком мире появился ангел. Это была Вера. Я помню то мгновение, когда я увидел ее впервые. Это была беспомощная кроха материи, кричащий кусок мяса, бессмысленного и ничтожного, но все-таки живого. Красная кожа, сморщенная рожица, бессознательные движения, но в мутных глазах уже светились искорки новой жизни. В них было что-то такое, чего я еще не знал. В этом куске кричащего мяса были заметны следы иного, чем мое, творчества. Я создал бесплотные образы, жившие только при мне и для меня, а тут была греза во плоти, новая жизнь, создать которую я был не в силах,

жизнь живая, но беспомощная, что ждало ее впереди среди этого проклятого земного мира? Муки одиночества, такие же, какие испытал я. Страданье и, как награда за это, могила. Меня тронула эта беспомощность, будущие муки этой новой жизни, и я решил взять ее в свой мир, поселить среди радостных грез. Чем дальше шло время, чем чаще я видел Веру, с которою, чтобы завладеть ею, я вошел в земные отношения – крестил ее, – тем больше росла во мне жажда сделать ее счастливой, даже против ее воли. Понимаешь ли ты меня, умирающий? Я мечтал, что сделаю ее наследницей своего царства, и она будет жить так же, как жил и живу я в мире счастливых грез... Понимаешь ли ты, умирающий, можешь ли ты понять, какое чувство овладело мной, когда этот кусок кричащего мяса после своей недолгой жизни на земле вдруг как-то раз весело, ласково улыбнулся мне, захлопал ладошками и потянулся ко мне своими пухлыми ручонками? Я видел, что это существо обрадовалось моему появлению, и затрепетал. Это была первая искренняя радость, которую вызвал я в смертных, то, чего я ждал в те-

чение долгих лет. Искреннее чувство, искренняя ласка. Я не узнавал себя. Я обезумел. Мой мир потускнел, но я справился с собой и сумел восстановить свои владения. Что же? Разве я не должен был вознаградить это существо за те счастье и радость, которые оно мне подарило. И я решил, что награда будет достойной. Я, всесильный, решил, что это существо, эта девочка, будет при жизни царицей моего царства, а я, в награду за минутное счастье, стану ее верным рабом. Что может быть выше этой награды?

Юрьевский встал и отошел на несколько шагов, но вдруг вернулся и громко, возбужденно заговорил:

– И она стала царицей! Здесь все подвластно ей. Но человеческий мир слишком крепко держит ее в своих оковах и не отпускает ко мне. Проклятый мир! Разве я мало люблю ее? Я люблю ее любовью демона; я никогда не любил, она первая, она последняя. Я, демон, я, царь грез, люблю ее, как простейший из смертных. Но мир сказал ей, что она не может любить меня, потому что между нами преграда, о которой я забыл, хотя сам создал

ее. И она не разделила моей любви, не поняла ее. Мир не отдал ее мне. Зачем она ему? Разве со мной она не была бы так счастлива, как никто? Но мир не только не отдал ее, а даже осмелился вступить со мной в борьбу. Он послал шестерых, чтобы отнять у меня Веру, и все погибли. Ты тоже не думай, что ты жив: ты мертв, как и те, кто шел впереди тебя. Умрет всякий, кто последует за тобой. Я никого из смертных не допущу к ней, моей любви, моей царице. Горе всем, кто осмелится взглянуть на нее. Горе, горе! Я всемогущ! Я – царь, я – повелитель! На этом же жертвеннике лежал такой же, как и ты, юнец, осмелившийся отнять у меня Веру. Я принес его в жертву своему божеству. Как трепетало его тело, когда мой жертвенный нож вскрыл его грудь! Он не сразу умер, а жил со вскрытой грудью, пока не перестало биться сердце. Но он умер счастливым: в последние мгновения он удостоился лицезреть богиню. И ты умрешь, как он, и будешь видеть ее. Ты слышал, она сама осудила тебя на смерть, и я исполняю ее волю! Ты умрешь! Смерть не страшна. Радуйся, а не страшись, через нее путь в nirvanу. Ты

погрузишься в небытие и будешь счастлив, счастливее твоего предшественника, которого я казнил в его логовище. Это я убил Антонова. Я пришел к нему незамеченным и силою своей воли, чарами своего взгляда его, обессилевшего от пьянства, заставил написать записку и перерезать себе горло. Он сам был своим палачом, но судьей был все-таки я. Это я столкнул под поезд следовавшего за ним. О, эта казнь мне удалась! Я верно рассчитал момент, в который он должен был упасть с площадки, чтобы попасть под колеса. Это я казнил Гардина, до которого мне никак не удавалось добраться, прежде чем он успел в глазах людей овладеть моей царицей. Я опустил в его бокал с вином две капли редчайшего японского яда, убивающего и не оставляющего никаких следов. Эта драгоценность всегда со мной. Видишь этот перстень? – Юрьевский поднял правую руку, на указательном пальце которой красовался золотой перстень с крупным бриллиантом. – Стоит только нажать пружину, и он источит драгоценные капли, дающие живущим сладость небытия. И как глупы люди! Они все

приписывают судьбе, они не видали меня, они даже не чувствовали меня. Теперь погибнешь ты – и они даже не узнают, какая участь тебя постигла: я принял меры, для них ты еще жив и будешь жить, для жизни же ты мертв... Ты мертв уже... Но – чу! – слышишь ты, слышишь?

Юрьевский с восторженным лицом повернулся в сторону, откуда доносилось мелодичное пение.

– Царица пробудилась! – закричал он. – Твой час пробил!

Юрьевский повернулся и пошел к занавесу.

Николай Васильевич уже понял, что попал во власть безумца и что спасение невозможно. Он чувствовал себя и в самом деле неживым и безропотно покорился участи, которую считал неизбежной. Помощи ждать было неоткуда. Никакие телохранители не помогли. Оставалось следить за тем, что теперь будет делать страшный безумец.

Юрьевский подошел к занавесу и преклонил колени, потом поднялся, подошел сначала к одному стоявшему сбоку занавеса тре-

ножнику, потом к другому и зажег их. В воздухе сразу распространился дурманящий аромат. После этого он опять преклонил колени перед занавесом и только тогда отдернул его.

Твердов взглянул и увидел Веру, в одежде древнегреческой богини неподвижно сидевшую на троне. По обеим сторонам трона, как и раньше, стояли два воина, но теперь Николаю Васильевичу показалось, что они не так неподвижны, как в первый раз. Однако разглядывать не было времени, все его внимание приковал к себе Юрьевский.

Безумец простер к своему божееству руки и воскликнул:

– Привет тебе, богиня! Твой жрец, твой раб преклоняется пред тобою!

С этими словами Юрьевский распростерся на ступенях трона. Потом он поднялся и, тихо спустившись со ступеней, подошел к Твердову, обошел вокруг и стал лицом к трону.

– Сейчас свершится все! Поругание богини будет смыто кровью нечестивца! – воскликнул он. – Богиня! Царица! Тебе кровавая жертва!

Твердов увидел, как сумасшедший взмах-

нул правой рукой. В ней был длинный нож.

– Я вскрою ему грудь, – продолжал Юрьевский, – обнажу пред тобой его сердце, и ты увидишь, как оно грязно, как оно холодно. В твою честь, царица!

Страшная жажда жизни охватила Твердова. Он забился всем телом, но путы крепко держали его. Нож, как магнит, притягивал его взгляд. Мгновения, пока безумец, размахивая им, придерживал левой рукой несчастного за грудь, показались ему вечностью. Твердов сознавал, что как только опустится эта вооруженная рука, для него все будет кончено.

Однако Юрьевский медлил. Твердов чувствовал, как безумец свободной рукой ощупывает его левую грудь, чтобы нанести удар, который бы не задел сердца.

Но в тот момент, когда безумец готов был опустить нож, Твердов вдруг услышал знакомый голос:

– Те-те-те, всемогущий владыка, поиграли, и довольно: так уже нельзя.

Николай Васильевич по голосу узнал Кобылкина.

Послышался дикий вопль – не человека, а

зверя, у которого вырывают из пасти добычу, – и тотчас же хрипенье, хохот и стук от падения двух тел.

Твердов забился опять, но вдруг стих. Царица оставалась неподвижной, но воины, стоявшие у трона, упали и с громким стуком покатались по ступеням. В это время двое людей, перепрыгивая через них, бросились туда, где слышны были хрипенье, хохот безумца и шум отчаянной борьбы.

Твердов узнал их. Это были Савчук и Пискарь.

Ощущение, что помощь подоспела, что нет больше опасности, радость возвращения к жизни так подействовали на Николая Васильевича, что он опять потерял сознание.

XI

Раскрытая тайна

Твердов очнулся в незнакомой комнате. Он лежал на кровати, пахло лекарствами.

Николай Васильевич повернул голову и увидел перед собой бледное и исхудавшее личико своей невесты.

– Вера! Богиня! Царица! – прошептал он.

– Тише, милый, молчи, молчи!... Доктор запретил, – сказала Вера Петровна, с нежностью глядя на него.

– Где я? Жив ли?... Нож, нож... – лепетал Твердов.

– Успокойся, ради меня успокойся! – ответила Вера Петровна. – Все прошло... все благополучно... После узнаешь... Выпей, – и она протянула Твердову стакан с какой-то жидкостью.

Николай Васильевич сделал несколько глотков, и здоровый, живительный сон овладел им.

Спал он долго, а около его постели, не отлучаясь, сидела Вера Петровна. Твердов только

ей был обязан возвращением к жизни, своим выздоровлением. Она так заботливо ухаживала за ним, как не могла бы ухаживать никакая сиделка.

Кобылкин привез его, бесчувственного, в нервной горячке, в дом Пастиных, сдал им больного и, ничего не объясняя, умчался.

Да и не до расспросов было Вере и ее родителям. Перед ними, хотя и без памяти, был тот, которого они более никогда не надеялись увидеть, он возвратился к ним, и это было главное, все остальное в эти часы и первые дни их не интересовало.

Петр Матвеевич созвал лучших докторов столицы. Те долго не могли дать ответ, и все надежды возлагали не столько на науку, сколько на молодость и крепкую натуру больного.

И они не ошиблись. Молодость и сила, а также нежный, заботливый уход Веры сделали свое дело.

Выздоровление шло с замечательной быстротой.

Вместе со здоровьем крепло и его чувство к Вере. То, что сначала было мимолетной

вспышкой страсти, в эти дни, пока Твердов был прикован к постели, превратилось в настоящую любовь.

Николай Васильевич пытался расспрашивать и Веру, и Петра Матвеевича о подробностях своего избавления, но те говорили, что они сами ничего не знают, и были вполне искренни. Кобылкин упорно скрывался, а когда Пастин все-таки поймал его, сумел отвертеться от всех расспросов, решительно ничего не сказав.

Когда Петр Матвеевич сообщил об этом Твердову, тот понял, что у Мефодия Кирилловича есть на то своя причина.

Одно только было известно и Пастинным, и всем в столице (впрочем, для Петербурга это прошло незамеченным): Иван Афанасьевич Юрьевский скоропостижно скончался. Ничего такого, что могло бы броситься в глаза, возбудить людское любопытство, в этой смерти не было, поэтому Юрьевского похоронили, поговорили о нем, да и забыли, как будто его никогда и на свете не было.

А между тем в газетных некрологах проскользнула черточка, рисовавшая покойного

с хорошей стороны. Юрьевский оказался благотворителем, каких немного. Он оплачивал учебу детей бедняков, помогал нуждающимся. Причем добро Иван Афанасьевич творил втайне, не рисуясь ни перед кем, не выставляясь напоказ. Это было добро ради добра, а не ради каких-то эгоистических целей. Когда Юрьевского хоронили, за его гробом шла вереница незнакомых людей. Это были облагодетельствованные покойным бедняки.

Вера была единственной наследницей Ивана Афанасьевича, Юрьевский отдал ей все, но с условием, чтобы она некоторые благотворительные дела продолжала и после его смерти.

Твердов понял, что означала эта черта странного характера Юрьевского. Он ненавидел людей, презирал их и сам хотел быть лучше тех, кого ненавидел и презирал.

Николай Васильевич, узнав, что Кобылкин отмалчивается, решил тоже ничего не говорить о событиях памятной ночи. Однако, поправившись, он первым делом поехал к Кобылкину, чтобы поговорить с ним самому.

Мефодий Кириллович встретил его с рас-

простертыми объятиями.

– А, современный Товий! – воскликнул он, спеша навстречу Твердову. – Наконец-то! Похворали? Ничего! Зато как возмужали, похорошели!... Садитесь, батенька, милости прошу, садитесь! Знаю, хе-хе-хе, зачем пришли, знаю... На свадьбу старика звать? Что, родной, чья правда?

Николай Васильевич улыбнулся.

– Ваша правда, Мефодий Кириллович, ваша, – ответил он. – Надеюсь, не откажете... Ведь эта свадьба – дело ваших рук, вы сосватали.

– Ну, уж и я! Много чести старику... Ну, дай Бог, дай Бог, совет да любовь! Смело теперь судьбу-то мы, хе-хе-хе – побоку... Хорошо без судьбы!... Я так думаю, что и на крестинах вашего первенца скоро пировать буду. А все-таки, батенька, признайтесь, отпраздновали труса? Дайте-ка посмотреть, не поседели ли?

– Я вот и пришел к вам, добрейший Мефодий Кириллович, просить вас... Все-таки мне пришлось быть, пожалуй, главным действующим лицом этой – уже и не знаю, как назвать, – трагедии, мелодрамы, феерии... Будь-

те добры, посвятите меня в некоторые подробности.

– Что ж, это можно. Только, чур, уговор: не болтать. Впрочем, это не для нас, а в ваших выгодах. Я все прикрыл, все вышло шито-крыто, никакого сора из избы не вынесено. Аминь всему!

– Я так и понял ваше молчание. Ведь у Пастиных до сих пор ничего не знают.

– И прекрасно, что не знают. Ничего особенно такого сверхъестественного нет, а память, и очень неприятная, на всю жизнь осталась бы. Блаженны неведающие... Так рассказать? Да что рассказывать? Сами, поди, о многом догадались?

– Пока только о том, что этот несчастный Юрьевский был душевнобольным.

– Это главное, а отсюда все остальное... Свихнулся он когда-то давным-давно. Ну что же? Зла никому не делал, а добра творил много. Бо-о-льшой благотворитель был! Много людей теперь за упокой его души, даже не скажу – грешной, молится. По-моему, греха нет в том, что он натворил, ибо грех там, где сознание.

– Так неужели он...

– Да ведь вы слышали сами... Он, он судьбой-то был, понимаете ли, все у него хорошо было. В своем загородном домике устроил он себе царство, подвал сырой в зимний сад обратил, да в такой сад, что прелесть просто! Редчайшие растения там были. Просто залюбовался я! Храм он там себе устроил и сам себя при этом храме в жрецы возвел, кадения, курения, моления и все прочее.

– Но ведь не один же он был в этом саду.

– Один-одинешенек... Храм-то красоты и чистой любви.

– Позвольте, я же сам слышал голоса, музыку, пение. Неужели галлюцинации?

– Нет, наяву все слышали.

– Тогда как же?

– Все просто в этом простейшем из миров. Минуту терпения, все сейчас объясню. Так у почтеннейшего владыки новосозданного царства все хорошо шло. Ну, чудит человек – какая же в том беда? А вот когда беда-то пришла: влюбился Юрьевский, влюбился до зарезу, и, вы понимаете, это при больном-то мозге...

– В Веру?

– Да, в свою крестницу. Будь она в других отношениях с ним, может быть, Иван Афанасьевич обвенчался бы с нею и выздоровел, но тут – нет. Хотя он и сумасшедший был, но человеческие взаимоотношения понимал тонко. Понимал он, что брак с крестницей невозможен. Больной же мозг работал и вот выработал такую формулу: ни себе, ни людям. Такая формула была слишком примитивна, тогда тот же больной мозг подсказал владыке царства грез такую обстановку, которая вполне соответствовала бы этому царству. Он воображал себя жрецом божественной красоты и чистой любви и сделал свою крестницу царицей всего этого, а себя – царем при царице. Живое существо из плоти и крови он обратил в бесплотный образ и одухотворил его. Видите, какая штука-то? Для него Вера Петровна была царицей, богиней и всем, что вам угодно. Все обходилось благополучно, пока не пришло время Вере Петровне идти замуж. Тут и началось. Великий жрец царства грез должен был сохранить свою царицу в чистоте и непорочности. Разве мог он допустить, чтобы

кто-нибудь из смертных осквернил ее своим взглядом, помыслом? Она должна была жить грезой, такою, как была для него. Юрьевский представил все так, будто мир, который он ненавидел, борется с ним, желая отнять самое дорогое. Последствия известны. Началось устранение – будем говорить попросту, пожитейски – соперников. Двух удалось устранить легко, а вот троих пришлось отправить на тот свет.

– Но позвольте, мог же он принять и другие меры: убедить Петра Матвеевича, наконец, саму Веру не выходить замуж.

– Так и послушала бы она его! Да притом Юрьевский сам вошел во вкус. Он смотрел на подобные устранения как на жертвоприношения своей богине. Хитры сумасшедшие, ох как хитры! Откуда только что у них берется... Теперь ясно вам, в чем тут суть?

– Да, но вот о том, что касается меня...

– Сейчас доберемся и до вас. Вы знаете, что я сам хотел разведать причины загадочных кончин женихов Веры Петровны. Чутье мне подсказало, что здесь что-то не так. Тут Гардин со сватовством подвернулся. Ну, учредил

я самый бдительный надзор. Решительно ничего, тайна, загадка, уму непостижимо! Говорил я вам, что благодаря этому надзору покойному Евгению Степановичу обвенчаться удалось. Я сумел на свадебный пир пробраться, мои молодцы тоже там были. Чтобы понять, как я нянчился с молодыми, достаточно сказать, что кучер, который их в церковь и из церкви возил, мой подчиненный был... Ну, хорошо, стал я на вечере следить да примечать, что вокруг меня делалось. Все чинно, благородно. Вдруг бац: Юрьевский, приветствуя молодых, о трупах, о смерти заговорил. Совсем к такому торжеству подобные речи не подходят. Точно мне что в нос шибануло. Знаете, как бывает? Сидите вы на чистом воздухе, и вдруг запахами, каких быть в таком месте не должно, откуда-то потянет. Вы невольно в ту сторону повернетесь, откуда такие ароматы несутся. Так вот и со мной. Стал я приглядываться, запоминать. Видел, как Юрьевский „молодого князя“ в уголок отвел, говорил о чем-то, жестикулировал, затем к столу с недопитым бокалом вернулся. Потом этот тост, бокал о пол и с пира долой. Стран-

но! Несчастный Гардин тут же вскоре скончался. Да что же такое? Берег я как зеницу ока и не уберег. Ничего понять не могу! „Одряхлел, на живодерню пора“, – про себя думаю, но тут вы такой толчок моим мыслям дали, что они так и запрыгали, и занавесочки над тайной дочки Рагуила зашевелились.

– Я ничего не понимаю, – сказал Твердое.

– Немудрено! Не до того было. Вы мне передали, что Юрьевский говорил Гардину о близости nirваны, и ваши слова прояснили мне многое. Ночь я думал и еще припомнил. Иван Афанасьевич, разговаривая на свадьбе с Евгением Степановичем, жестикулировал и дважды ладонью руки, будто невзначай, накрывал его бокал. Потом к столу он пошел с недопитым бокалом, только взял не свой, а Гардина. Свой знаменательный тост Иван Афанасьевич произнес, даже не пригубив шампанского, а затем хлопнул бокал о пол. Теперь мне все стало ясно. Юрьевский явился на свадьбу с намерением отравить новобрачного, что и исполнил, причем уничтожил следы своего преступления. Если же он отравил Гардина, очевидно не желая, чтобы тот стал de

facto супругом его крестницы, то он же, Юрьевский, из тех же самых побуждений, мог быть виновником гибели, смерти и прежних ее женихов.

– Но почему же вы его тогда не схватили? – воскликнул Твердов.

– А какие у меня были доказательства? Ведь то, что я сейчас сказал, в то время было только предположением, ни на чем, кроме умозаключений, не основанным. Все нужно было проверить. Вас-то я и избрал для этого и надеюсь, что теперь вы на меня за это не в обиде. Ну-с, хорошо! Сговорились мы с вами, а я все-таки предварительную проверочку произвел. Помните, на панихиде-то? Это я Юрьевского подзудил: указал ему на вас, как на нового жениха. Как он тогда на вас двинулся-то! Я даже испугался. „Убьет, – думаю, – сейчас, да и все“. Ничего, опомнился, бедняга, все обошлось. Только после этого случая я уже был уверен, что на верном следу. Конец ниточки в руках, по ней до клубка добраться нетрудно. За вами я такой надзор учредил, что, кажется, не только о каждом слове, но о каждом дыхании вашем был осведомлен.

– И все-таки не усмотрели, – усмехнулся Николай Васильевич.

– Ну, нет, позвольте. Я то знаю, о чем вы до сих пор не подозреваете. Вы только знаете, что попали в царство этого Юрьевского, а как попали, даже представить себе не можете.

– Я помню, что вышел из дома Пастиных.

– Счастливый, влюбленный и изволили сесть на извозчика. А извозчик-то кто был, знаете? Сам покойный Иван Афанасьевич Юрьевский. Что-с?

– Позвольте, как же это? Впрочем, голос...

– Точно, что голос! Часа четыре он у подъезда стоял под видом лихача, вас дожидался. Побывал он у Пастиных, еще ваше объяснение чуть ли не на самом интересном месте прервал, успел переодеться и явился под видом лихача к подъезду. Продолжаете думать, что я не усмотрел?

– Но как же?

– А так-с. У вас мой Савчук был, а у Пастиных – мой Пискарь. Им я много обязан выяснением всего этого дела. Юрьевский под видом извозчика у подъезда, а мой Пискарь якобы дворник на дежурстве. Вот на чем Иван

Афанасьевич попался. Все у него предусмотрено было, только об одном он забыл. Ведь когда-нибудь да должны были эти таинственные случаи с женихами одной и той же невесты внимание на себя обратить и соответствующее расследование вызвать. Этого он не предусмотрел, слишком уж был уверен, что все люди глупы, один он – умница-разумница, вот и попался. Он поехал с вами, а Пискарь – за ним. Впрочем, это тоже для проверки только. Как только мне доложили, что Иван Афанасьевич под видом извозчика у подъезда пастинского дома стоит и вас поджидает, я уже знал, куда он вас повезет – в свое царство, а в нем я не раз побывать успел, можно сказать, своим человеком сделался.

– И все-таки никаких мер не приняли!

– Невозможно было. Фактов у меня еще не было.

– А мое похищение?

– Ну, что ж в нем такого, когда цель поступка не ясна?

– Да вы-то знали, зачем он...

– Мало ли что я знал, но кто бы мне поверил? Самого сумасшедшим сочли бы. Экую,

дескать, шехерезаду старый пенъ рассказывает. Вы не извольте забывать, что Юрьевского никто серьезно больным не считал, во внешних своих действиях он был вполне разумен.

– Но этот увоз, переодевание, маскарад?

– Вы хотите знать, как так скоро? Да он уже не раз пробовал увезти вас таким образом, но не удавалось: мои молодцы мешали. И тут не удалось бы, стоило только Пискарю прогнать его от подъезда или быть на ногах, когда вы вышли, а только я уже решил со всей этой историей покончить.

– Ну, а дальше?

– Далее, как и следовало быть. Вы в мечты погрузились и даже не смотрели, куда вас Юрьевский вез. Он же завез вас в свой загородный дом, где у него было царство устроенно, там, прежде чем вы опомнились, он губочку с хлороформом к носу, вот вы и очутились в его власти.

– Неужели же Юрьевский все это один сделал?

– Все один, без малейшего пособничества. У него было двое слуг, но они предусмотрительно были отпущены. Да это еще что! На

другое утро он в гостиницу, где вы проживать изволили, посыльного прислал, чтобы рассчитаться вместо вас и объявить, что вы экстренно выехали, от вашего имени с Варшавского вокзала им же была прислана вашей невесте телеграмма, в которой вы „от ворот поворот“ заявляли. Право, нужно быть сумасшедшим, чтобы все так умно проделать. Ведь так вы и пропали бы, как в воду канули: уехал, отмечен, с Варшавского вокзала дал телеграмму, и что там дальше случилось, кто почем знает. Видите, как хитро!

– Да! Это надо признать...

– И все просто. Вам, пожалуй, не отвертеться, если бы не мы. Только мы – я, Савчук и Пискарь, да еще трое молодцов – в царство пробрались и спрятались там. Когда Юрьевский вас в жертву начал приносить, мы тут как тут. Стоп, дескать, машина, задний ход!

– Но что я перенес, что перенес!

– Зато интересно было.

– Да, я, привыкнув к обстановке, испытывал больше любопытства, чем страха.

– Вот то-то и оно! В наш серенький век подобные встряски не лишни.

– Только не дай Бог никому оказаться на моем месте!

– Конечно! Поди, ножа-то здорово испугались?

– Да. Но вот что, Мефодий Кириллович, вы должны разъяснить мне. Я дважды в этом, как вы называете, царстве видел Веру.

– И я тоже, – невозмутимо ответил Кобылкин.

– Мало того, что видел, я слышал ее голос.

– И я тоже. Только Вера Петровна была не живая, а кукла.

– Но этого не может быть! Ведь голос...

– Что же из того? Вы музыку, пение слышали еще?

– Слышал... Это что же было?

– Эдиссоновы штучки! Фонографчики, граммофончики, только хорошие, а не такая дрянь, какую теперь продают... Поняли?

– Но ведь это и в самом деле – сказки Шехерезады!

– Верно! Чего на свете не бывает! Подробно при понятых все обзревали, не один я. Хотите, протокол осмотра покажу? И куклу, и инструменты могу показать, как вещественные

доказательства, они были арестованы, только ничего не понадобилось. Жрец-то, то есть Иван Афанасьевич Юрьевский, отбился от нас, вырвался да перстенок – помните? – с драгоценным ядом, что ему с Гардиным службу сослужил, ко рту. Отнять не успели: ну, понятно, окочурился. Вся эта история закончилась без огласки, единственного виновника решено было схоронить тайно. Только «дело» о нем есть. Да и потом, мы подумали, что завещание покойного, если его объявить сумасшедшим, будет оспорено, а в нем много доброго. Вот вам и все. Можете совершенно спокойно бракосочетаться, теперь вашему счастью никто не помешает.

Николай Васильевич внимательно посмотрел на Кобылкина. Перед ним был обыкновенный человек с добродушным, немолодым лицом, на котором и особого ума не отражалось.

– Как мне благодарить вас, Мефодий Кириллович, – тихо произнес Твердов, – не знаю.

– Не стоит никакой благодарности, – ответил тот, – так сказать, все это по обязанности службы. Жалованьишко – хе-хе-хе – за это по-

лучаем. Благодарить не благодарите, не ругайте только, а то ведь нашу профессию многие любят бранить. Очень рад, что смог удовлетворить ваше вполне понятное любопытство.

Кобылкин встал. Твердов понял, что беседа закончена.

– Я надеюсь, что вы будете на нашей свадьбе? – сказал он.

– Нет, зачем же! Теперь, думаю, все благополучно будет, так что мое присутствие представляется совершенно излишним.

– А я очень прошу вас об этом. Ведь и Вера, и я многим обязаны вам. Я прошу!

– Хорошо-с. Посмотрим, – без прежней приветливости ответил Кобылкин, стоя перед Твердовым в выжидательной позе.

– У меня есть еще одна просьба, – сказал Твердов.

– Готов служить, чем могу, – последовал ответ.

– Мне хотелось бы поблагодарить этих добрых, самоотверженных людей: Савчука и Пискаря.

– Увы-с! Они заняты поручениями, и их те-

перь здесь нет. Имею честь кланяться!

Твердов вышел несколько обиженный таким окончанием их долгого разговора. Но, поразмыслив, понял, что для Кобылкина, Савчука и Пискаря он и окружавшие его были, в сущности, чужими людьми. Когда потребовалось, они заботились о нем больше, чем о себе, даже жертвовали собой, когда же опасность миновала, и все обязанности были выполнены, с ними вместе кончились и личные отношения.

Впрочем, Кобылкин не выдержал своей строго официальной роли. Он не был на свадьбе Николая Васильевича и Веры, но зато их первенец зовет его крестным папой, а дочка – крестница Василия Андреевича Савчука. Теперь Николай Васильевич ждет появления нового жителя нашей планеты, и уговорил Александра Константиновича Пискаря стать его кумом. Это единственное, чем он смог отблагодарить самоотверженных людей, которым был обязан своей жизнью и счастьем.

Об авторе

Александр Иванович Красницкий (1866-1917) родился в Москве, в семье художника и фотографа памятников древности И. Я. Красницкого. Учился в гимназии, но не окончил ее: отец разорился и не мог вносить плату за обучение сына.

Опубликовав в 1883 году первую заметку в «Петербургской газете», Красницкий вскоре стал профессиональным журналистом. Изпод его пера выходят статьи, репортажи, фельетоны, стихи и рассказы. Он печатается в газетах «Новости», «Минута», «Петербургский листок». В журналах фирм А. А. Каспари «Родина», в котором с 1894 года Александр Иванович служит редактором, «Всемирная новь», «Живописное обозрение всего мира» и П. П. Сойкина «Природа и люди», «Русский паломник» им опубликовано около 100 романов, многочисленные рассказы, стихи под псевдонимами А. И. Лавинцев, А. И. Лавров, Тр. Полярков, С. Румянцев и др. Предпочтение отдавалось авантюрно-приключенческим романам – историческим («В тумане тысячелетия»,

«Гроза Византии», «Царица-полячка», «Оберегатель») и уголовным («Столичные тайны», «Роковые миллионы», «Принцесса-бродяжка», «Маньчжурское золото», «Дочь Рагуила», «Воскресшая душа», «Под волнами Иматры», «Царица хунхузов»), а также повестям для юношества («Маленький Геркулес», «Русский чудо-вождь граф Суворов-Рымникский»). Произведения А. И. Красницкого пользовались успехом.

В нашем издании творчество этого писателя представлено тремя уголовными романами: «Дочь Рагуила», «Воскресшая душа» и «Принцесса-бродяжка». В них есть все, что может увлечь читателя: интересный материал, острый сюжет, яркие герои и легкий слог.

Примечания

[1] Дочь Рагуила встречается в «Книге Товита».

Эта книга не фигурирует в еврейской Библии, ее нет в протестантских изданиях, она включена в католическую Библию, а в православной значится как неканоническая. Книга написана около 200 г. до нашей эры. В Книге Товита излагается история семьи, попавшей в ассирийский плен из северной страны, то есть Израиля. Автор не стремился точно передать историю, содержание книги имеет религиозную и нравственную направленность: она призвана заставить читателя подавать милостыню, хоронить умерших и вести нравственную семейную жизнь.

Товит являлся благочестивым мужем, был взят в плен в ассирийский город Ниневию во дни правления царя Енемессара. Он не поклонялся идолам, чтит истинного Бога, раздавал обильную милостыню и тайно от царя хоронил казненных соплеменников, за что навлек на себя гнев царя, и имущество его было разграблено. Несчастный случай привел Товита

к потере зрения. Но во всех своих бедах Товит не переставал возносить молитвы к Богу. Оставшись в нищете и беспомощности, Товит вспомнил, что его друг в Мидии должен ему десять талантов серебра, и послал своего сына Товию за этим долгом.

В это время в Мидии страдала девица по имени Сарра от злого духа Асмодея. Семь раз она пыталась выйти замуж, но всегда, как только оставалась одна со своим женихом, так появлялся злой дух Асмодей и душил его. И Сарра молила Бога о помощи.

И Бог послал Своего Архангела Рафаила сопровождать Товию в пути под видом человека по имени Азария, чтобы «исцелить слепоту Товита и Сарру, дочь Рагуилову, дать в жены Товии, связав Асмодея, злого духа».

В пути Товия с Рафаилом остановились на берегу Тигра, где архангел Рафаил повелел поймать чудесную рыбу и взять у нее сердце, печень и желчь.

Прибыв в Мидию, Архангел Рафаил открыл Товии, что страдает девица Сарра, дочь Рагуила.

Архангел Рафаил посоветовал Товии посе-

тить Рагуила и посвататься к его дочери, но войдя к ней в брачную ночь, окурить все дымом от сердца и печени чудесной рыбы. Тогда злой дух будет навеки изгнан. Товия поступил, как сказал ему архангел, и стал мужем Сарры. По совету архангела Товия окурил спальню Сарры и изгнал злого духа в Землю Египетскую, где Рафаил связал его. По возвращении домой Товия по совету архангела помазал глаза Товита желчью чудесной рыбы, и отец прозрел. Так Бог, посредством Своего архангела вознаградил благочестивого Товита, помог Сарре и Товии.

«Книга Товита» не оригинальна. Известен ее древний источник, содержащий мифическое повествование о благодарности умершего, найденного у дороги и захороненного юношей. Позднее у этого юноши появился спутник, помогший ему жениться на дочери богача, мужа которой умирали в первую брачную ночь. Он уничтожил гнездо ядовитых змей, находящееся в женщине, а затем объявил, что он тот самый умерший, которого юноша не оставил у дороги незахороненным.

[^^^]